

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Не убий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805905

Аннотация

«Темный осенний день. Дождь. На сцене одна из комнат кулабуховского проклятого дома: пустая, грязная, мерзкая. Рамы в больших барских окнах перекошились, видно, что от окон дует; два стекла в нижних долях рамы разбиты и заменены досточкой; гнилые обои местами отлипли и угрожающе нависают. Обстановки никакой, если не считать большого кухонного стола, как бы брошенного посреди комнаты, и нескольких случайных стульев. За окнами – окон всего три – в сетке дождя смутно различаются почерневшие углы и крыши надворных построек, за ними – голые стволы и ветви большого и старого сада...»

Содержание

Действие первое	4
Действие второе	35
Картина первая	35
Действие второе	47
Картина вторая	47
Действие третье	66
Действие четвертое	88
Действие пятое	108

Леонид Николаевич Андреев Не убий

Действие первое

Темный осенний день. Дождь. На сцене одна из комнат кулабуховского проклятого дома: пустая, грязная, мерзкая. Рамы в больших барских окнах перекосились, видно, что от окон дует; два стекла в нижних долях рамы разбиты и заменены досточкой; гнилые обои местами отлипли и угрожающе нависают. Обстановки никакой, если не считать большого кухонного стола, как бы брошенного посреди комнаты, и нескольких случайных стульев. За окнами – окон всего три – в сетке дождя смутно различаются почерневшие углы и крыши надворных построек, за ними – голые стволы и ветви большого и старого сада.

При открытии занавеса, на сцене одна Василиса Петровна, кулабуховская экономка, – женщина с приятным лицом. Одета неряшливо и плохо, но волосы

причесаны и подвиты. Сидит на кончике стола, глубоко задумалась о чем-то. Возле на столе под опущенной рукой лежит черное шерстяное платье.

Входит дворник Яков.

Яков. Что задумались, Василиса Петровна? Я пришел.

Василиса Петровна *(не поднимая головы и не меняя позы).* Да вот думаю все.

Яков. Ну, думайте.

Василиса Петровна. Холодно. Да, вот думаю все. Ты знаешь, Яков, сколько у меня денег было, сбережений моих?

Яков. Я частокольчик доломал, теперь дня на два топлива хватит. Затопить, что ли? Холодно тут.

Василиса Петровна. Потом. В сберегательной кассе лежало у меня триста пятнадцать рублей, да на руках было пятьдесят или сорок, не помню точно. Да заложила я платье, браслетку золотую, ризу с иконы серебряную, машину швейную, две подушки настоящие пуховые и разного другого – всего на сто двадцать рублей. Да половину квитанций продала за сорок рублей: вот ты и сосчитай, Яша, сколько за два года вышло.

Яков. Здорово.

Василиса Петровна. Да уж так здорово, что завтра хоть на паперть идти! Ни копейки, Яша, нет. Думала это платье отнести, да в чем же я его понесу, самой надеть нечего, одно только приличное и есть... Ах, батюшки, а у знакомых-то я побрала денег, совсем забыла: рублей шестьдесят, не меньше. Вот забыла, вот забыла!

Яков. Да моих семнадцать рублей считайте.

Василиса Петровна. Совестно вспомнить, какая я глупая была! Я ведь вначале по первому разряду его содержала, думала, что он просто шутит или притворяется, чтобы испытать меня. Они ведь разные бывают, и особенно миллионеры: просто, думаю, фантазия, обижен родственниками, вот и придумывает. А оказалось-то и совсем серьезно: до последней нитки объел, как саранча! Холодно, Яша. О, Господи, шпалеры-то как обвисли. Каждый день на них гляжу, а все никак привыкнуть не могу... да и нельзя к этому привыкнуть. Что, дождь идет?

Яков. Идет. Надо рюмочку выпить, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Нет, Яков, не надо. А ты где достал?

Яков. У Феофана двугривенный выпросил. Надо рюмочку выпить, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Ведь я даже вина не пила,

Яша: тебе трудно представить, а я чище всякой барыни ходила. Но вот тебе клятва моя, Богом клянусь: если мне это удастся и будут у меня деньги, ни одной капли в рот не возьму! Это такое унижение, Яков, когда женщина пьет, это так недостойно ее пола.

Яков. Налить?

Василиса Петровна *(вздыхает)*. Ну, давай. Думала ли я когда-нибудь, Яшенька, что буду вот так сидеть... с Яшей-дворником и водку пить. Много мне гадалки гадали, а такого случая ни одна угадать не могла. Ух, как холодно, руки, ноги болят.

Яков. Согреешься!

Вынимает из кармана полбутылки водки и небольшой кабацкий и исцербленный по краям стаканчик, наливает и подносит Василисе Петровне.

Выкушайте на здоровье, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. За твое здоровье, Яша. *(Пьет и кашляет, покачивает головой.)* Вот и выпила, Яша!

Яков. Что?

Василиса Петровна. И в кого ты, Яша, такой рыженький уродился?

Яков. В отца, Василиса Петровна. У нас в роду все с краснинкой, а есть так и совсем красные. А что, не

нравится?

Василиса Петровна. Нет, нравится, Яша! А я ведь не о платьях думала – сидела.

Яков. А о чем?

Василиса Петровна. А все о том. Надо кончать,
Яков.

Яков. Что ж, кончим.

Василиса Петровна. Надо... завтра, Яша.

Молчание.

Яков. Что ж, можно и завтра. Какой завтра день?

Василиса Петровна. Кажется, – пятница, не помню. Дело в том, голубчик, что мы очень легко можем опоздать.

Яков. Митька-наследник опять мимо ворот прохаживался.

Василиса Петровна. Ну, да. Объявят они его сумасшедшим, тогда все пропало.

Яков. Хитрый он – не поддастся. *(Смеется.)* Нет, ты скажи, бабочка, что за чудеса: и сколько у нас в саду собак, со всей Москвы сбежались, рады мертвому месту – и мне-то страшно ходить. А он тебе целую ночь между собак бродит, и хоть бы одна его тронула. Царь собачий!

Василиса Петровна. Это правда, он очень хитрый.

Он ужасный человек, Яков. И я думаю, что он вовсе не сумасшедший, но ведь не могут же наследники терпеть такое неприличие. Наконец и им деньги нужны: Дмитрий Николаевич очень, очень небогатый человек и в то же время очень расчетливый.

Яков. Жадный народ! И как можно деньги так любить, не понимаю я этого.

Василиса Петровна. Ну, ты многого не понимаешь, Яша. А что, Яша, еще рюмочка найдется? – Дай, пожалуйста. Одним словом, ты этого не понимаешь, Яков, это уж тонкая политика, но если бы они не боялись скандала, они б его давно ж желтый дом запрятали. Но вот что ужасно: видела я там в шкапу, действительно, деньги лежат, но если это все именные бумаги? Тогда прямо ужас! Есть такие бумаги, Яков, которых ни пустить в оборот, ни разменять нельзя и что тогда делать?

Яков. Увидим.

Василиса Петровна. И вот еще, что думала я: сонного его никак не застигнешь. Совесть ли у него беспокойная, или боится он, но только еще не видела я, чтобы он ночью спал.

Яков. А сейчас спит?

Василиса Петровна. А сейчас спит.

Яков. Что ж, можно и на ходу. Какая у него сила!

Василиса Петровна. Кричать будет.

Яков. А кто услышит? Собаки целую ночь грызутся, такая война идет, что и мимо ходить боятся. Нашего кулабуховского дома все боятся, Василиса Петровна – да и проклятый же дом, сказать по правде. Кругом столица Москва, а мы, как в черной яме сидим, ни голоса, ни свету, одни собаки воют. Пустырь!

Василиса Петровна. Да, да, живем, как погребенные. Яша, а крови не будет?

Яков. Какая кровь!

Василиса Петровна. Крови ни в каком случае не должно быть, ни единой царапинки – слышишь, Яков. Тогда все пропадет. Каторга, Яша, не забудь.

Яков. Что ж, и на каторге люди живут! Да ты не беспокойся, бабочка, я все сделаю.

Василиса Петровна. Яна тебя уж так полагаюсь... Яша, а аду ты боишься?

Яков. Аду? Что ж, и в аду люди живут, да еще побольше, чем в Москве. Там не соскучишься! Эх, бабочка, милая, никакого места я не боюсь, где люди есть.

Василиса Петровна. Простой ты человек, Яша; с тебя, я думаю, и грех не взыщется, или не так строго. Яша! А Маргарита – горничная тебе очень нравится?

Яков. Мне все нравятся.

Василиса Петровна. Она тебя любит.

Яков. Меня все любят, Василиса Петровна. Да как

меня и не любить? Лицо у меня чистое, душа беззаботная, никому я не делаю обиды, а только угождаю. Очень я хороший человек, Василиса Петровна, – всю Москву обыщите, а другого такого не найдете. Другие что? – походил я, повидал я: грубияны, насильники, чертово племя волосатое. А я, как лен мягкий – обовьюсь, так и не услышишь, только, только тепло почувствуешь. Верно, бабочка?

Василиса Петровна. Ах верно, Яшенька!

Яков. Я же и говорю, что верно. И зато мне все бабы, как сестры родные.

Василиса Петровна. Ох, Яшенька, сестры ли?

Яков. А мне все равно, Василиса Петровна, я различий не делаю: сестра ли, жена ли, невеста ли. Мне б только угодить, Василиса Петровна, ласку сделать, а там называй как хочешь, я не рассержусь. Нашего Яшу хоть в пирог, хоть в кашу – вот какой я удивительный человек, Василиса Петровна! Вы думаете, большая мне надобность Кулабухова душить...

Василиса Петровна. Ну, что за пустяки, Яков. И во все я не хочу, чтобы ты из-за меня, – ты также получишь свою долю.

Яков. А на что мне деньги? Все равно бабам на подсолнухи раздам. Мне ничего не надо. Да и не из-за вас я, а просто так – придушить так придушить. А не надо так и не надо.

Василиса Петровна. Нельзя же так, Яша, ни для чего.

Яков. Да я не так: даром, как говорится, и веред не вскочит. Но как вы человек приятный, так отчего же мне, например, и не сделать вам ласку? Как скоро, так сейчас! Вам угождение, ему карачун, а мне – Яшке и любопытно: что за дорога, коли нет поворота? Прямо только галки летают.

Василиса Петровна. Не надо, Яков, не смейся. Неприятно!

Яков. А и заплакал бы – да слез нету, Василиса Петровна. Смотрю это я, бабочка, как иной человек мокнет, и даже завидки берут, скажи пожалуйста! А сам не могу. Морозом ли меня высушило, или солнцем повыжгло, а только нет во мне ни единой слезиночки. Мать родная попроси: дай мне, Яков, слезиночку, дай, сыночек, разъединую, – так и то...

Василиса Петровна. Тише! Идет наш, туфлями шаркает. Боже мой, и до чего он мне опротивел: в дрожь бросает, как его услышу. Зажги лампочку, Яков: темнеет.

Яков зажигает маленькую кухонную лампочку с полубгоревшей бумагой вместо колпака. Дверь из комнат медленно и осторожно приоткрывается, и в отверстие высовывается старая облзлая голо-

ва с быстро бегающими глазами. Присматривается и выходит – с ужимками, приседаниями, как бы танцующая какой-то нелепый танец. Потирает руки, хихикает, насмешливо цмокает.

Кулабухов. Ага! Так, так! Салон и разговоры, свет и общество, что? Очень, очень приятное зрелище! А где сказано, чтобы дворник в барском доме заседал, где такое правило, где такой указ сената? Ага!

Василиса Петровна (*раздраженно*). Стекла в кухне вставьте, вы хозяин, тогда и требуйте.

Кулабухов. Сама вставишь. Обедать давай, экономка!

Василиса Петровна. Миллионер!

Кулабухов. Ну и миллионер – а что? Завидно, а? А миллиончики-то мои, а не твои, что? Право собственности, да. Хё-хе, не нравится? И Яшеньке не нравится? – ах, как печально, а ничего не поделаешь: право собственности, да. Яшка, ступай вон!

Яков. Сейчас пойду. А вы мне зачем, Петр Кузьмич, ружье без курка дали? Сами сторожить велите, а сами ружье без курка даете. (*Смеется.*) Как же я из него стрелять буду?

Кулабухов. А! А ты и курок хочешь?

Яков. Хочу.

Кулабухов. Хочу, хе-хе! Ну и ступай вон, дурак. Ду-

рак, дурак! Обедать давай, экономка.

Яков неторопливо выходит, смеется.

Ну?

Василиса Петровна. А что обедать?

Кулабухов. Не знаю, не знаю. Я барин, ты экономка, – ты и должна знать. Хе-хе, так оно и всегда, да.

Василиса Петровна. Ну и мучитель же вы! Ну и бессовестный же вы человек! Во многих домах я служила, много я видела дурного, а такого, как вы, клянусь Богом, первый раз встречаю. Клянусь Богом, первый раз.

Кулабухов. Что, хорош, хе-хе?

Василиса Петровна. Так хорош, что вас в желтый дом надо.

Кулабухов. Нельзя! Меня в желтый дом нельзя. Я сюртучок надену. Хе-хе, у меня орденочек есть, я и орденочек надену. Хе-хе, что, ага?

Василиса Петровна. И сюртучок не поможет. Вот приедет ваш Митька-наследник и посадит, и будете в халате ходить, и будут вам воду на голову капать, что?

Кулабухов. Ну, ну, – дура! Ты в желтый дом ступай, а меня нельзя. – У-у, Митька-наследник, злой, вор, волчьи глаза – рад бы посадить, а что, нельзя, ага! У меня завещаньице есть, что! – находясь в здравом

уме и твердой памяти... что? И свидетели есть... находясь в здравом уме и твердой памяти... вот и посади! Я умный.

Василиса Петровна. А где завещание, вы его хоть бы раз показали.

Кулабухов. Спрятано.

Василиса Петровна. Да и лгун же вы. Ну зачем вы лжете, ведь нет же завещания, ведь нет?

Кулабухов. Хе-хе.

Василиса Петровна. Ну и обеда нет. Была дура, кормила вас, а теперь не хочу! И не на что! Да вы понимаете это – не на что? Вот оно, платье-то: последнее ведь. И что же мне: голой по улице ходить?

Кулабухов. Начала. Баба.

Василиса Петровна. Или на панель собой торговать?

Кулабухов. Иди. Закон не запрещает. А нет ужина, нет денег, так ступай вон, да. Договор есть, договор помнишь: ты меня, Кулабухова, до смерти моей содержи, денег с меня не требуй, а я тебе, дуре, за это в завещании оставляю и Яшке оставляю. Всем оставляю, хе-хе, что? Теперь плачешь, а тогда думала: стар старичок, завтра умрет, а я вот живу и завтра жить буду, и сто лет еще проживу! Я молодец. Думала, говори?

Василиса Петровна. Ну и думала. Отвяжитесь.

Кулабухов. А я кашлял-то нарочно, что? Дура, ду-

ра баба, форменная дура – надо было доктора позвать, освидетельствование по форме, сколько проживу, а ты что? Возьму и сто проживу. Отчего же? Возьму и полтора ста проживу, хе-хе: вон пророки двести лет жили, что, дура? А не хочешь по уговору, ступай, ступай, я не держу, мне все равно, – другая дура будет. Обедать давай.

Василиса Петровна. И как вас такого не убьют?

Кулабухов. Не смеют! Рады бы, а не смеют. Закон, хе-хе, что? Закон, да. Двадцать лет каторжных работ, а если по законам военного времени, то – смертная казнь. Что, много взяла, а? То-то!

Василиса Петровна. Придут ночью, да так сонного в постели подушкой и задушат. И крикнуть не успеете, так и удушат; да и кто услышит, если кричать-то будете?

Кулабухов. Кто придут? Не смеют. Рады бы, а не смеют. Митька-наследник каждый день в ворота в щелочку глядит – я его подметил! – ты думаешь, он не рад бы? Ах, как рад, но не смеет. Закон, да! Хе-хе.

Василиса Петровна. Возьмут, да завтра же и придут. И как вы не боитесь, и как вы можете спать!

Кулабухов. Сплю. Совершенно спокойно. Зачем мне беспокоиться? – Я стар, чтобы беспокоиться, я двести лет прожить хочу. Что? Ты зачем мышьяку купила, а? – мышей травить?

Василиса Петровна. Мышей.

Кулабухов. Хе-хе! Знаю я, какие это мыши! Да – рада бы, а не смеешь. Двадцать лет, да! И не боюсь, никого не боюсь, все приходи, не боюсь. Один ложу, дверь не запираю, зачем? Не смеет, никто не смеет.

Василиса Петровна. Да ну вас. Я за обедом пойду.

Кулабухов. Иди! Меня нельзя трогать, я человек. Не боюсь! Не смеешь! Все хотят, зубы скалят, а нельзя, хе-хе, нет. Человек! За меня все законы, за меня Бог – Вседержитель, да.

Василиса Петровна. Не человек вы, а поганка, зверь кровопийущий.

Кулабухов. Врешь! Зверь на четвереньках ходит, а я человек. Вот две ноги, эге, что? У-у, Митька-наследник злой, проклятый, вор, глаза как у волка, – у, Митька-наследник: не смеешь! Ты меня убьешь, а тебе картога, двадцать лет, да! Ты меня убьешь, а я тебе по ночам являться буду. Явлюсь! По закону явлюсь, по праву моему явлюсь, над сердцем твоим стану, кровь высосу!

Василиса Петровна, слушавшая со страхом, быстро выходит. Кулабухов один. Трясет яростно сухими кулаками, вызывая хихикает и в то же время почти плачет.

Ага, испугалась, дрянь! И тебе явлюсь, что? Я убиенный, да. Хе-хе, я знаю как: ты в ледник за молочком пойдешь, а я за дверкой стану, за дверкой стану, – убиенный, да. Ты на постельку ляжешь, а тебя ручкой по одеяльцу, по одеяльцу. У, Господи, заступись, заступись! Все хотят, все хотят убить, все хотят, о Господи Боже мой, не оставь, я старенький. Заступись, заступись, за убиенного Петра, за убиенного Петра...

Невнятно бормочет. Василиса Петровна выносит из кухни глубокую тарелку с картошкой и ломоть черного хлеба; очень бледна, говорит презрительно.

Василиса Петровна. Вот вам. Больше ничего нет.
Кулабухов (*угрюмо ест*). Говядинки дай.

Василиса Петровна. Нету говядины.

Кулабухов. Смотри! Чтоб завтра говядинка была, а то выгоню. И чтоб огурчик был, слышишь? И Яшку, твоего любовника, тоже выгоню.

Василиса Петровна. Да? А что, ежели за такие слова, Петр Кузьмич, я вам пощечину дам?

Кулабухов. Не смеешь.

Василиса Петровна. Свидетелей-то нет.

Кулабухов (*менее уверенно*). Не смеешь. Я старик, у меня волосы седые.

Василиса Петровна. А я женщина! Вот возьму и ударю.

Кулабухов (*вставая*). Ты, дура баба, ты здоровая, а у меня волосы седые. Я старичок; ты меня только пальцем тронешь, а я умереть могу. Ты, дура, не подумай...

Быстро входит соседская горничная Маргарита, высокая, красивая, черноволосая девушка. На ней платок от дождя.

Маргарита. Вот и я к вам. Да милая ж вы моя Василиса Петровна... (*останавливается, увидев Кулабухова.*) Ох, напугал – вот кто здесь!

Василиса Петровна. Снимай платок. Маргариточка, не бойся.

Маргарита. Я и не боюсь. Это вы его боитесь, а я вольная. Что глаза вытарацил, тетеря?

Василиса Петровна. Оставь его, Маргарита. Он сейчас уйдет. Идите, Петр Кузьмич.

Кулабухов. У-у, какая сердитая! Мой дом, а не твой, что? Возьму и выгоню: зачем пришла в чужой дом? Ага. Вот ты и пойдешь.

Маргарита. И не смеешь выгонять.

Кулабухов. Нет, выгоню.

Василиса Петровна. Да оставь! Он два часа пре-

пираться будет, только бы с людьми посидеть! Ступайте, ступайте, Петр Кузьмич. Поели и идите. Такого уговора у нас нет, чтобы с вами беседовать.

Маргарита (*притворно топая ногами*). Ты уйдешь или нет?

Кулабухов испуганно открывает дверь, но еще на минуту оглядывается, хихикает.

Кулабухов. Салон, хе-хе! Музыка и разговоры, так, так! А я все равно послушаю, стану за дверкой и послушаю. Что?

Уходит.

Василиса Петровна. Напрасно ты так грубо, Маргарита, нехорошо, мне не нравится. Он все же человек не твоего круга...

Маргарита. Да, милая ж вы моя! Да как же можно такого терпеть!

Василиса Петровна. Нет, нет, Маргариточка, нет! Я и Якову тоже говорю. Сейчас Петр Кузьмич в несчастном положении, а когда-то он открытый дом держал, в нем даже губернатор заискивал. У него, душечка, и сейчас такие капиталы, что от одного воображения можно сойти с ума. Злой он, это правда, но мало ли

злых?

Маргарита. Нет, дорогая Василиса Петровна, не могу я с вами согласиться. Капиталы его мне не нужны, а только скажите вы мне – ах, да и милая ж вы моя, да скажите вы мне! до каких пор они мудровать будут, а мы плакать да травиться? Или так без конца и пойдет? Мой-то, подлец-то мой, мучитель-то мой – так ведь и лепит: травись, Маргарита, тебя ангелы на небо возьмут.

Василиса Петровна. Грозил ему?

Маргарита. Грозил.

Василиса Петровна. Упрекала?

Маргарита. Упрекала.

Василиса Петровна. А он что?

Маргарита (*плачет*). Смеется. Да милая ж вы моя – смеется!

Василиса Петровна. Разговор был?

Маргарита. Был. Сегодня утром. Как же, говорит, я могу на тебе жениться, когда ты тварь, а я чиновник! Так и лепит, так всеми словами и печатает: тварь! А сам дрянненький, нечистый, похабник, разные картинки покупает, – ах, да и милая же вы моя Василиса Петровна, я царица перед ним! На него утром посмотреть, как он еще галстучка не надевал, уж такая он гадость, уж такая гадость.

Василиса Петровна. Ушла бы от него! Что мучить-

ся!

Маргарита. Не хочу! Ведь не тварь же я на самом деле, ведь я царица перед ним! В тысячу глаз на меня гляди, пятнышка на моем теле не найдешь – ах, да как березынька я белая...

Василиса Петровна, Да что он хоть говорит? Язык-то у него есть?

Маргарита *(плача и смеясь)*. Да только и говорит, что тварь... и голубушка вы моя, так он меня этим словом очаровал, что как очарованная я. Слепил меня, оглушил меня, все дороги-пути загородил. Иду – куда, тварь, идешь? – так и стану как вкопанная. Стану и руки опущу. Так и стою. Вся голова у него с луковку, а как скажет он: тварь, так и поразит меня громом, слова в ответ не найду. Сегодня, будто, и нашла слово, да и не слово, а так...

Василиса Петровна. Что?

Маргарита *(улыбаясь, мечтательно)*. Да так. Пузыречек с серной кислотой ему показала.

Василиса Петровна *(испуганно)*. Ну, ну, ну – брось! Что ты, девка, с ума сошла. Да как же это можно! Ах, ты девка несчастная.

Маргарита *(задумчиво)*. Я уж бросила. Показала я ему и жду, что будет. Ну – побледнел он, сморщился весь, затрясся, прыщавый, а у двери-то я стою и уж пробку вынула. Ну – и вот все уж тут, податься-то неку-

да, а он говорит: вот видишь, какая ты тварь! (*Берется за голову, рассеянно.*) Ох, правда, отравиться, что ли?

Молчание.

Да как подумаю, что он на то место плюнет, где я буду лежать, и скажет: вот и издохла, тварь, – так и травиться не стоит. Пожаловаться я к вам пришла, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Мне кажется, Маргариточка, что здесь вообще происходит какое-то недоразумение. Ах, голубчик, ну и почему так холодно и вот шпалеры обвисли – видеть не могу этих шпалер. И почему так холодно? Дурой ли я стала такой, ну вот не могу понять: почему холодно, да и только. Да я и дни-то позабыла – что у нас сегодня, четверг?

Маргарита. Четверг. Не топлено, оттого и холодно.

Василиса Петровна. Ну, конечно, от этого. Но почему не топлено? Послушай, душечка: однажды едем мы с графиней Назаровой в автомобиле – я тогда у нее уж второй год в экономках служила – и, знаешь, я так хорошо одета, к лицу, а сижу я на переднем месте. А рядом с графиней собачка ее сидит – и долго я этого, друг мой, не замечала, да как-то и заметила! Да, не замечала, да вдруг и заметила!

Маргарита. Ну хорошо. Ну пойду я – сонного его зарежу, а какой толк? Явится еще да и скажет: зарезала, тварь! Тогда уж не докажешь.

Василиса Петровна. Да, тогда уж не докажешь.

Маргарита. Я и говорю: не докажешь. Яшина бала-лайка?

Василиса Петровна. Яшина.

Маргарита. Повидать бы мне его хотелось... Ах, уж не знаю я, куда мне ткнуться. Будь бы лес, в лес убежала бы. Или вышла бы я за заставу, да так в темноту и пошла бы. И шла бы я, и все шла бы я долгие годы, так и шла бы, руки к груди прижавши, глаза устремивши...

Молчание.

Пожаловаться я к вам пришла, Василиса Петровна. Будьте мне матерью родною.

Василиса Петровна (с неудовольствием). Ну, для матери, положим, я и молода, а жалеть-то я тебя очень жалею, Маргарита, очень. Ты в лес убежала бы, говоришь, а я леса ужасно не люблю: парк – вот это совсем другое дело. Ах, Боже мой, да как можно сравнивать! Идешь по дорожке или через какой-нибудь фигурный мостик – и какие мысли, Маргариточка, какие возвышенные чувства!.. Это еще кто?

Вваливается странник Феофан, и за ним следом идет усмехающийся Яков.

Феофан. Мир вам, братие и сестры. Где тут сидение покрепше? – а то стулья меня не держат.

Яков (смеется). Вот табуретка, да не раздави, смотри. Кулабухов в суд подаст. Здравствуйте, Маргарита Ивановна.

Маргарита. Здравствуй, Яша.

Василиса Петровна. Напрасно ты его привел, Яков, тут ему не место.

Яков. Нет, с ним весело.

Василиса Петровна. Тут тебе нет водки, Феофан, – даром пожаловал, голубчик.

Яков. А вот она, водка-то!

Вытаскивает из широчайшего кармана странника только что начатую бутылку. Феофан смотрит равнодушно.

Феофан. Грешник дал. Мне водки не надо, я уж пьян. Меня купец Воронин с обеден в Охотнорядском трактире поил. И сам чуть не лопнул, поросенком хрюкал, а я в баню хотел, да расхотел: жарко! Кто желает со мной прю иметь, начинай!

Василиса Петровна. Да никто и не желает. Спать бы ты шел, голубчик, вот тебе и прях. Образину-то нагулял – смотреть страшно!

Феофан. Спать я и сам засну, а кто вас обличать будет? Я его, Воронина, до седьмого Пота обличал, аж поросенком визжать начал, уж молодцы пришли, меня умолили, я и сжалился. Я как грешника обличать начну, так не отстану. Один купец в Подольске уж и собаками породистыми меня травил, уж и архирею жаловался, уж и в полицию подавал – а мне? полиция что! – вот паспорт. Я по всем правилам, меня не подколупнешь, я сам тебя подколупну... *(Вынимает паспорт.)* Вот он, покровитель мой и заступник во все дни живота моего, аминь.

Василиса Петровна. Паспорт у всех есть. Это еще не дает тебе права привязываться.

Феофан. Верно! Я как привяжусь, от меня не отвяжешься. Он видит, что полиция против меня силы не имеет, так поить меня начал, дурья голова. А я чем больше пью, тем больше обличаю: на самую крышу его загнал, а дом-то трехэтажный. Против меня ни один грешник не устоит! А весу во мне восемь пуд.

Василиса Петровна. Да не труби ты так, даже в голову ударило! Вот труба.

Феофан. Верно! Я как затрублю, так пушкой меня не перешибешь *(хмыкает)*. Потеха, ей-Богу.

Яков. Выпейте рюмочку, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Ну что ты, Яков, разве я пью?

Яков. От холода выпейте. Я уж налил.

Василиса Петровна. Не знаю я... Ты, Маргариточка, не выпьешь? Выпей, душечка.

Маргарита. Не могу, голубушка Василиса Петровна. Если я хоть одну выпью, так до самого конца дойду. Ах, и ужасный у меня характер.

Феофан. Водку пьете, грешники, сатану тешите? Потеха, ей-Богу, до чего они эту водку любят!

Василиса Петровна выпивает стаканчик, стараясь это сделать незаметно, Яков также пьет.

Яков. Нет, Феофан, слаб ты. Слушаю я тебя месяц, а нет у тебя настоящих слов; так словно в животе бурчит, а не слова. Эх, разве так обличать надо? – петь надо! Каждое словечко чтоб в самое живое место било, чтоб как заплакал человек, так до самой смерти и не отошел бы! Тоскующие надо слова, а ты что! Рычишь, как пес на цепи. Ты меня пронзи, а лаять-то, милый, всякая собака еще вперед тебе даст!

Василиса Петровна. Барабан турецкий...

Незаметно выпивает еще рюмку.

Феофан. Что такое? Да ты меня настоящего видал?

Яков. А какой ты настоящий?

Феофан. А такой! Надо, чтоб запой у меня случился, вот какой.

Яков. А так не можешь?

Феофан. И так могу. Но только без настоящего заводу я очень милослив, очень я милослив, да. Я грешника-то люблю, когда я без настоящего заводу, вот в чем главное происшествие. Грешник, я тебе скажу, братец ты мой, – душевнейший человек; – да я за самого паршивого грешника, давай мне гору золота, и ту не возьму! Кто меня кормит и поит? – грешник. Кто душу мою лелеет? – грешник же (*прослезился*). Да я за грешника тысячу праведников отдам! Что праведник – от него, как от козла: ни шерсти, ни молока, а ты мне грешничка дай, я тебе в ножки поклонюсь!

Василиса Петровна. Заблаговестил.

Феофан (*воодушевляясь*). У меня, братец ты мой, нюх есть. Я как нюхну носом, так все насквозь понимаю. Ты думаешь, я не вижу, чем тут пахнет? Вижу. Эй вы, дочери вавилонские, винопийцы, блудницы, тати ночные, воры дневные, человекоубийцы. Чем тут пахнет, сознавайся!

Тихонько открывая дверь, входит Кулабухов, при-

слушивается с крайний любопытством. На нем, вместо старого пиджака, довольно приличный сюртучок.

Маргарита. Ох, да и страшный же ты черт! Яшенька, что он, шутит?

Яков. Шутит. Глядите – смотрите: сам Кулабухов господин.

Кулабухов (*выступая*). Так, так, пророки, да! Очень, очень поучительное зрелище. А как ты смеешь тут орать, а где такое правило, где такой указ сената? Ага!

Феофан. Это ты, сыч? Вот я ж тебя сейчас напугаю.

Кулабухов. А – а, меня? Нет, меня не напугаешь.

Чинно садится, сложив руки на тощих коленях и с ядовитой невозмутимостью смотрит на Феофана.

Маргарита (*тихонько*). Яша! Смотри, Яшенька, сюртучок надел. Вот же несчастный.

Яков. Нет, уж и люблю я это. Феофан, что же ты?

Феофан (*пугая*). Ну-у!

Кулабухов (*ехидно*). Ну?

Феофан. Сдохнешь!

Кулабухов. Не боюсь.

Феофан. Мертвечиной пахнешь! Сдохнешь, тля!

Кулабухов. Не боюсь. Что, а? Ты меня пугаешь, а я не боюсь. Вот я и живой, вот я и сижу, вот я и ножку за ножку заложил, видал, хе-хе, что? И ручкой машу... вот, вот, что? И ручкой машу.

Помахивает дрожащей рукой.

Василиса Петровна. Ну что же это такое? Да что вы все делаете? Маргариточка, ты видишь?

Феофан. Ах ты, таракан! Да как же ты смеешь не бояться? Бойся! Трепещи, поганец!

Кулабухов. И не трепещу.

Феофан. Трепещи!

Кулабухов. И не трепещу.

Феофан. Да ведь сдохнешь же, окаянный. Что я, шучу с тобой, что ли? Обормот! Яков, как он меня раздражил, а?

Кулабухов. Хе-хе.

Маргарита. Господи, а у самого коленки стукаются! Оставьте же его, безжалостные.

Кулабухов. Хе-хе.

Феофан. А, ты так? *(Вставая.)* Ну, так еще сказано: не словом, так дубьем грешника...

Кулабухов поспешно отбегает к двери; гримасничает.

Кулабухов. И не сказано, и не сказано! И не смеешь, что? Все бы рады, все хотят, а я не боюсь! Вот, на.

С надменным видом, показывая, что он молодец, подняв голову, мелкими шажками проходит через комнату и также проходит обратно. Так и входит в дверь, не оглядываясь. Яков хохочет.

Феофан (тупо). Какой заскорузлый, а? Ушел. А?

Яков. Эх ты, благовесть московская! Молодец, да против овец, а против молодца – сам овца. Выпейте еще рюмочку, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Да уж стоит ли, Яшенька? Как он меня расстроил... и ручкой еще машет. Уж ручкой бы не махал!

Яков. Да выпейте! За ваше здоровье, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. За твое, Яша (пьет). И никогда ты не пей, Маргариточка, избави тебя Бог Всемогущий от этого яда. Думаешь веселье найти, а вместо того такая грусть, такое сожаление! Милые вы мои, хорошие вы мои, и зачем все это делается? Хороводы бы нам водить, венки заплетать, цветочки в букетики собирать, нежно друг дружкой любоваться, а мы что?

Яков. Что ж, песенку и сейчас спеть можно. Маргарита Ивановна, а вы о чем задумались?

Маргарита *(она сидит в стороне)*. Так.

Яков. Ну ты, благовесть, ты-то что? Благовести.

Феофан. Спать я восхотел, Яков. Огорчил он меня. Теперь я сам не свой. Почему он меня не боится? Все грешники боятся, а он нет. Дурак он, что ли, такой или праведник? Нет, на праведника не похож. Хм *(хмыкает)*. Вот потеха.

Василиса Петровна *(тихо)*. Яшенька, рыженький ты мой, ты сегодня со мною спи, а то я боюсь, Яшенька, уж такой ты, как лен, мягкий, так бы я в тебя и впи-лась, зубами загрызла бы. *(Еще тише.)* Яша, а крови не будет?

Яков. Нет.

Василиса Петровна. Ты помни! Чтобы ни единой царапинки, слышишь? Чисто надо сделать, ах как чисто.

Яков. Чисто сделаю.

Василиса Петровна *(все также тихо)*. Яшенька, что такое у меня внутри дрожит? Так дрожит и дрожит... холодно мне, что ли? Яшенька, ты себе бархатную поддевку сшей. Вот и опять, холодно мне, что ли? Яшенька, а я ему опять намекала, что завтра.

Яков. Эх, зачем, не надо было.

Василиса Петровна. Как не надо, Яков? Надо же

намекнуть! Ходит человек и не знает. А ручкой-то он махал, Яшенька, ручкой-то махал.

Яков. Разлимонилаась, бабочка! Ну, ну, подтянись, бабочка, эх... Маргарита Ивановна, а вы о чем?

Маргарита. Так. Василиса Петровна, а дети у вас были?

Василиса Петровна. Дети? Были да сплыли, голубушка. А тебе что?

Маргарита. Ничего. Ах, да и тоскую же я, родненькие мои, куда голову преклонить, не знаю. Яшенька, ты добрый?

Яков. Кто говорит добрый, а кто и злой. А вам какого надо?

Василиса Петровна. Он добрый. Яша, спел бы ты что-нибудь, голубчик.

Маргарита. А раз добрый, пойдем со мною, Яшенька.

Яков. Куда?

Маргарита. Куда-нибудь.

Смеется и плачет.

Яков. Что же, и это на худой конец дорога: кто туда, кто сюда, а мы никуда. Кто с нами? Прикажете плясую, Маргарита Ивановна?

Василиса Петровна. Нет, нет, Яков, ни в каком слу-

чае. Ну, какой тут пляс!

Яков. Феофан еще рассердится: ишь, скажет, грешники распелись. Феофан! Попеть можно? Как это, по-твоему?

Феофан. Ну и пой. Я люблю, когда грешники поют. Я сам, когда грешен был, тоже пел. А когда пляшут, не люблю! Все черти пляшут.

Яков (*настраивая балалайку*). А ты видал?

Феофан. Я? Конечно, видал. О Господи. Какой у меня туман. Потеха!

Яков (*поет*). Эх, погиб я, мальчишечка, погиб я навсегда, а годы проходят, все лучшие года. Мать свою зарезал...

Обе женщины глубоко задумались; Василиса Петровна аккуратно вытирает платком слезу. При первых звуках балалайки из двери осторожно высунулся, потом вышел Кулабухов и также слушает. На него не обращают внимания.

Занавес

Действие второе

Картина первая

Время к полуночи. Поздняя осень.

На сцене пустынный московский переулочек в Хамовниках. Идет переулочек с горочки, по ложбинке, в глубине когда-то здесь бывшего оврага; и всю правую сторону занимает белая монастырская ограда, проходящая по верху заросшего травой невысокого вала. За оградой глухая, также белая стена церкви, а дальше смутно белеют колоколенки и главы, переплетаются голые ветви и стволы. Светят только два окраинных керосиновых фонаря; один стоит далеко, в глубине и на завороте переулочка, другой помещается у левой панели и скупо озаряет передний план.

У самого фонаря, в тени, стоят и молча курят Яков и Феофан. С густым вздохом Феофан бросает папиросу и тушит ее ногой. Часы на колокольне вызванивают две четверти.

Яков. И так не разгорится, чего тушишь. Хорош табак?

Феофан. Хорош.

Яков. Хорош табачок.

Феофан. Да я не понимаю, курить не люблю. Мне Воронин-купец каких-то сигар дал, кто его знает, а толстые, как палец. Так у меня голова от них болела, было сдох. Куражиться ночью будешь?

Яков (*бросает папиросу*). Буду. Как это поется: «Ах, мамаша, глянь в окошко – ктой-то тонет на реке – в бледно-розовой рубашке – с папиросочкой в руке!» Куражиться буду, а тебя не возьму.

Феофан. Врешь. Ты теперь прогнать меня не можешь, я к тебе приставлен! Куда ты, туда я, а петь тебе здесь не место – не татарин.

Яков. Ладно. Надоел.

Феофан. И надоем! А мне за тобой легко при моем весе поспешать? – скачешь, как блоха. Пойдем нынче спать, а? Поспишь, милый, отдохнешь, а завтра и куражиться будешь. Хорошо как...

Яков. Ты спи, а я не хочу спать. Понял? Взятся за мной ходить, так и ходи, не клянчи. Я тебя еще бегать заставлю, ты мне, как рысак, заскачешь! Обличитель!

Феофан. И где у тебя совесть, Яков?!

Яков. На то я и грешник... Эй, ступай-ка, на угле меня подожди – идет.

Феофан. Кто идет?

Яков. А кому надо, тот и идет. Ну, живей оборачивайся, говорю.

Феофан неторопливо уходит, ждет Якова на угле. Нерешительно, оглядываясь, выходит справа Василиса Петровна, одетая прилично, в черном.

Василиса Петровна! Вот он, я.

Василиса Петровна. Здравствуй, Яша. Давно ждешь?

Яков. Давно уж.

Василиса Петровна. Опоздала я. С тобой кто-то был, мне показалось. Кто это?

Яков *(нехотя смеется)*. Да Феофан.

Василиса Петровна. Опять он? Ну и чему ты смеешься, Яков, мне это очень не нравится. Теперь необходима такая осторожность, а ты!.. Зачем он с тобой, мало для тебя пьяниц?

Яков *(также нехотя)*. Его уж спросите.

Василиса Петровна *(испуганно)*. Он знает?

Яков. Нет, откуда же ему знать, когда никто не знает. А догадывается, пожалуй.

Василиса Петровна. Выдаст! Выдаст, вот увидишь! Ах, как же ты убийственно неосторожен, Яков! Что ж нам теперь делать? Вот ужас.

Яков. Да не выдаст. Вы его не знаете. Ему грешники непокаянные нужны, которых сосать можно, а явленные зачем ему? От явленных ему никакого удовольствия нет. Бросьте его: моя он забота, а не ваша. Что ж, бабочка, стоим? – Поедем куда или что?

Берет Василису Петровну за руку: Василиса Петровна испуганно и несколько брезгливо отдергивает руку.

Василиса Петровна. Нет, нет, что ты выдумал, Яков. Мы никуда не поедем! И ты, пожалуйста, не выдумывай этого – ехать.

Яков (согласно). Что ж, не надо ехать, так постоим. А может, и стоять не надо? Я, Василиса Петровна, на все согласен. Нашего Яшу хоть в пирог, хоть в кашу.

Василиса Петровна. Я знаю, ты очень добрый. И ты очень деликатный человек, Яков: я редко видала людей из высшего звания, которые были бы так деликатны. Да мы здесь побудем, мне надо. Тут никого? Ах, Яша, я так боюсь... ну, ну, ничего. Яков, а деньги ты хорошо устроил? Ты так легкомыслен, Яша.

Яков. Устроил.

Василиса Петровна. Помни же, что за мной еще твоих сорок тысяч. Я нарочно не даю их тебе, я просто не верю в твое благоразумие. Но если понадобится

или вздумаеть солидно устроиться, то только скажи. Скажешь?

Яков. Ладно.

Василиса Петровна. Только слово скажи, понимаешь? И сейчас же деньги будут у тебя, а пока ты, конечно, получаешь на них проценты. Маргарита с тобой?

Яков. Со мной.

Василиса Петровна. Ну и хорошо, что с тобой. Только будь с ней осторожен, Яша: она девушка благородная, прекрасная девушка, но у нее бывают фантазии... Ты ее очень любишь, Яков?

Яков. Я всех люблю, Василиса Петровна.

Василиса Петровна вздыхает.

Василиса Петровна. Да, я знаю. Разошлись наши дороги, Яшенька... только бы тебя Бог устроил, день и ночь молюсь Ему об этом. Ты еще не знаешь, Яков, какая я благодарная, – и ты для меня навсегда первый в молитвах моих человек. Сперва за родителей, потом за Николая Ивановича – ты его не знаешь, Яша, был такой человек, – а потом за тебя, Яша, я и за Петра Кузьмича молюсь (*крестится*). Царство ему небесное и вечный покой.

Молчание. Часы бьют три четверти.

Яков. А какой ему Митька-наследник памятник ставит! Спрашивал я рабочих, говорят, тысяч тридцать стоить будет.

Василиса Петровна. А ты ходил разве?

Яков. С Феофаном ходили. На могилке посидели, папиросочку покурили, поплевали. Эх, Василиса Петровна, решил я окончательно, что и не человека я убил, а так, неведомую зверушку. То ли я на могилке сижу, ножки свесил, то ли на качелях качаюсь – одна во мне стать. Говорит Феофан, что совести, например, у меня нет... Что ж, может, и от этого, может, и от другого чего. Легко сказать, что совести нет, а куда она, например, могла деваться? У всех есть, а у меня нет. Василиса Петровна, а вот вы скажите: может быть человек на свете такой, чтобы совсем у него не было совести?

Василиса Петровна. Нет, не может.

Яков. Я и говорю, что не может: из одной земли все сделаны. Но только почему же, скажите мне, Василиса Петровна, не могу я почувствовать сожаления, ну тоски там, или хотя бы заплакать. Слез ли у меня нету? Вот, например, Маргарита Ивановна: ах, и до чего же она страдает! Ах, и до чего же она мучается!

Василиса Петровна. О чем же ей страдать, ведь

все устроилось?

Яков. Не знаю. Я, Василиса Петровна, на родину поехать хочу, повидать захотелось. Да и Маргарита тянет – идем да идем. А спросишь куда, так только один ответ и есть: куда-нибудь. Ну и пойдем куда-нибудь – чем не дорога для нашего Яши?

Василиса Петровна. Да, да, поезжай. Мне кажется, что я могла бы тебя обожать, если бы не... Тут никого?

Яков. Никого. Вон Феофан на углу маячит, да разве он кто? Будьте спокойны, Василиса Петровна, никого нет.

Василиса Петровна. Яша... Яков, а у меня просьба к тебе, ну так я сейчас скажу. Я хорошою жизнью хочу жить, Яша, – ты понимаешь, хорошою жизнью?

Яков. Понимаю.

Василиса Петровна. Хорошою жизнью! Уж не девчонка я, не двадцать мне лет. Бывало, девчонкой и тут обещаешься, и тут заклинаешься, в три ручья реешь, а прошла ночь – и все позабыла, как рукой сняло. А теперь у меня план есть, есть честное намерение: я уж все обдумала... давно обдумала, еще до... Понимаешь?

Яков. Понимаю. Что ж, поживите, а мы позавидуем. Так что мне делать?

Василиса Петровна. погоди! погоди, голубчик! Ты

не знаешь, Яша, а вот в этой церкви меня крестили. Господи, прости мне грехи мои тяжкие – а в этом переулочке и домик наш был. Я это место знаю. Теперь домика нашего и в помине нет, даже место отыскать трудно, где он стоял, а как в нем жилось, Яша!.. *(Плачет.)* Вот часы на колокольне звонят, и тебе все равно, а для меня звон этот неизъяснимо радостен, неизъяснимо печален. Девочкой его я слышала и вот теперь слышу – Господи, прости мне грехи мои тяжкие!

Плачет.

Яков. Вот и вы плачете.

Василиса Петровна *(сквозь слезы)*. Не буду. Яков. Да нет, плачьте. Я так. Что ж мне делать, говорите, а то не прошел бы кто.

Василиса Петровна. Яша! Я его во сне вижу.

Яков. Часто?

Василиса Петровна. Три раза. Вчера третий раз видела. Яша, голубчик ты мой, пожалей ты меня, я одинокая, я беззащитная! К кому я могу обратиться, кому могу хоть слово сказать – прятаться я должна, одинокая я, беззащитная я, женщина я слабая.

Яков. Так. Является.

Василиса Петровна. Является. А тебе?

Яков. Раз и я его во сне видал, ручкой он на меня махал. Да что? – на меня не намашешь. А на вас махал?

Василиса Петровна *(с ужасом)*. Махал, Яша!

Яков. Ишь ты, царь собачий.

Василиса Петровна *(взмахивая руками)*. Яков, Яков! Да разве это мыслимо так выражаться. Ты меня совсем убить хочешь, это даже неделикатно, Яша! Тут никого нет? Пожалей меня, Яша.

Яков. Жалею.

Василиса Петровна. Возьми на себя грех перед Богом... Нет, нет, погоди. Ты сильный, Яша, ты мужчина, ты ничего не боишься – и кто знает, может быть, ты прав и бояться не надо. Не знаю. Но я так боюсь, я так измучилась вся, что если ты меня не освободишь, я... я в полицию пойду. Что мне, все равно! Освободи меня, Яков. Ты должен меня освободить, иначе ты не мужчина, иначе ты не благородный человек, каким я тебя всегда считала.

Яков. Да милая вы моя... Ну и беру. Эка! Ну и беру – чего там!

Василиса Петровна *(качает головой)*. Нет, не так.

Яков *(в недоумении)*. А как же? Беру.

Василиса Петровна. Нет! Нет, так нельзя, Яков! Это не серьезно. Ты должен поклясться, Яков, – вот как ты должен! Ах, Господи, вдруг кто-нибудь пройдет.

Яша, стань на колени.

Яков. Да зачем?

Василиса Петровна. Стань на колени – лицом к церкви. Лицом, Яша, лицом, – ах, Господи Боже ты мой, нужно же, чтоб лицо твое было видно.

Яков (*неловко становится на колени, с легкой усмешкой*). Так?

Василиса Петровна. Теперь смотри – сквозь камень смотри, Яша, – ах, Господи, да сквозь камень смотри же, – там – маленькая иконочка, смотри! – и лампада неугасимая перед ней, смотри, смотри. Ну и скажи Ему – ах, всю силу собери, Яков, всю силу, всю силу, – и скажи Ему: Господи! На одного себя весь грех беру.

Яков (*повторяет*). Господи, на одного себя весь грех беру. Я убил.

Василиса Петровна. И задумал я.

Яков (*повторяет*). И задумал я. Я убил.

Василиса Петровна. Господи! И каков бы ни был суд Твой милостивый, одного меня карай, нет у меня товарищей, нет у меня участников, один я.

Яков (*повторяет*). Одного меня карай. Я убил.

Василиса Петровна. Нет, нет, не так. Ах, да как же мне... Ну говори: Господи, а если были у меня участники – есть участница одна, – то, Господи, на меня ее муку возложи. За мое благородство, Господи, за мою

душу, навеки погибшую, за мученья мои бесконечные – дай ей, Господи, отпущение греха.

Яков (*повторяет*). За мою душу погибшую дай ей, Господи, отпущение греха. Я убил!

Василиса Петровна. Клянись!

Яков. Клянусь.

Встает. Василиса Петровна закрыла лицо руками и молчит. Звонят часы на колокольне: одиннадцать медленных ударов.

Василиса Петровна (*плачет и смеется*). Яшенька!

Яков. Что, милая? Теперь не плачь. Василиса Петровна. Яшенька!

Вдруг падает на колени и целует Яшину сопротивляющуюся руку.

Яков. Ну что вы, Василиса Петровна, барыня! Дворнику-то Яшке!

Василиса Петровна (*вставая*). Яша, друг мой. Ты меня человеком сделал. Прощай!

Пошатываясь, но быстро уходит. Яков некоторое время стоит один. Потом тихонько свистит.

Яков (*негромко*). Эй, Феофан, лезь сюда. Заснул?

Феофан (*издали*). Нет.

Яков. Эх, спички потерял. Феофан, спички есть?

Феофан. Есть. Сам коробок дал. Озяб я что-то – люди-то все спят, а мы маемся. Ах, и до чего грешник беспокоен, нет ему угону во все дни до скончания живота его.

Яков. Спичку дай.

Закуривает дрожащею рукой.

Феофан. Хм, потеха. Яшка, а рука-то у тебя отчего дрожит?

Яков. Разве? Ну так это она пляшет, а не дрожит.

Феофан. Пляшет? А я, так думаешь, и не видал, кто тут с тобой был? Хм, потеха! Ну что ж, куражиться идем или отдумал? Спать бы надо, Яша, уморился я.

Яков. Куражиться. Эх, да и задам же я сегодня звону-перезвону!

Феофан (*уныло*). Так хоть извозчика возьми. Ох ты, Господи, Владыко живота!..

Занавес

Действие второе

Картина вторая

Очень приличный номер в дорогой московской гостинице, две комнаты: салон с мебелью из голубого шелка и спальня, отделенная широким занавесом. Горит электричество.

Василиса Петровна одета в черном, дорогом, но без всяких украшений, платье, несколько напоминающем траур. Напудрена, очень моложава, даже красива. Гость ее – сейчас собирающийся уходить – очень пожилой господин в черном сюртуке, бритый, бледный, в темных консервах; при ходьбе слегка волочит одну ногу. Говорит медленно, запинаясь и на некоторых словах с трудом переворачивая язык.

Василиса Петровна. До свидания! До свидания. Хорошо, я все передам мадам и мы вас известим. До свидания!

Гость. До свидания. Так я буду в надежде получить от мадам уведомление о ее согласии на брак. Так я буду...

Василиса Петровна. Да, да! Конечно!

Гость. Мои условия: помимо денежного вклада, имеющего целью обеспечить надлежаще чин моего погребения, я желаю новую енотовую шубу с воротником...

Василиса Петровна. Да, да, вы уж говорили! Конечно!

Гость. Шубу с воротником; и кроме того, ввиду моего тугого желудка, три раза в неделю приглашение к столу. Да, к столу. И во избежание могущих быть недоразумений считаю долгом предупредить, что могу дать только отеческие чувства. Да, только отеческие...

Василиса Петровна. Да сколько вам лет?

Гость. Шестьдесят восемь и два месяца. Мой день рождения пятнадцатого сентября, в день великомученика Стефана. А говорю я не совсем ясно оттого, что у меня был удар, но только один. А врачи говорят, что нужно три удара.

Василиса Петровна. Скажите пожалуйста.

Гость. Да, три. И еще в объявлении сказано, что желательно титулованное лицо...

Василиса Петровна. Да, да, непременно!

Гость. Титулованное лицо, так я титула никакого не имею, но звание мое по табели о рангах...

Василиса Петровна. Да, да, вы уже говорили. Я

все передам, до свидания, до свидания.

Гость. И что судебной палатой я оправдан, и только вынужден был подать в отставку. До свидания, честь имею кланяться. Как тут выйти?

Василиса Петровна. Да прямо по коридору, лестница тут же. До свидания.

Гость. Я лучше в лифте спущусь. Честь имею кланяться.

Но у двери гость медлит, оборачивается и долго глазами ищет хозяйку.

Но если мои условия окажутся неприемлемыми и мадам остановит свой выбор на другом кандидате, то, пожалуйста, передайте, что я могу быть гостем на свадьбе. Да, гостем на свадьбе за небольшое вознаграждение на извозчика и перчатки.

Василиса Петровна. Конечно, конечно, очень рада! Вам что-нибудь угодно?

Гость. Проводите меня до лифта.

Василиса Петровна. Ах, извините, Бога ради!.. Я сейчас позвоню, чтобы вас проводили (*звонит*). Садитесь, пожалуйста.

Гость садится на стул. Молчание.

Вы были женаты?

Гость. Нет еще. Ни разу.

Постучавшись, входит горничная.

Василиса Петровна. Милочка, проводите их до лифта. До свидания.

Молча, очевидно, забыв попрощаться, гость выходит. Горничная быстро говорит.

Горничная. Там двое к вам пришли, Василиса Петровна. Прикажете просить?

Василиса Петровна. Уж и не знаю. Ах, какой невыносимый человек! Ну, проси. Варенька, Варенька – сами его в лифт посадите, пожалуйста, свалится еще!

Василиса Петровна одна. Оправляется у зеркала и, сделав достойное лицо, садится в кресло. Входит антрепренер Зайчиков и князь де-Бурбоньяк де-Лантенак.

Василиса Петровна (не вставая). Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.

Зайчиков. Позвольте представиться: бывший антрепренер, Иван Алексеевич Зайчиков. А это, поз-

вольте вам представить, мой нежнейший, если смею так вырзиться, мой достойнейший друг: князь де-Бурбоньяк де-Лантенак.

Князь молча, во с достоинством, кланяется. Он совершенно пьян, но держится довольно твердо, лишь изредка незаметно покачиваясь на одних коленях. Василиса Петровна встает и низко кланяется.

Василиса Петровна. Ах, князь!.. Какая честь! Прощу вас, князь, садиться вот здесь, на диван, здесь удобнее.

Князь. Мерси, мадам.

Зайчиков (*любуясь происходящим*). А мы, если позволите, вот здесь, в стороночке, устроимся и душевно поговорим... Князь, друг мой, не обращай на нас внимания. Пермете?¹

Закуривает сам и дает князю папироску. Василиса Петровна в некотором недоумении.

Василиса Петровна. Но разве?

Зайчиков. Вот именно-с, вот именно-с! Довереннейшее лицо, пользуюсь всеми правами и полномочиями... Не извольте сомневаться.

---

¹ *Пермете?* (от фр. *permettre*). – Разрешите?

Василиса Петровна. К сожалению, я также только доверенное лицо, и, право, мне кажется все это странно. Почему князь сам не изволит...

Зайчиков (*поднимает палец, громко*). Сударыня, я читал ваше объявление или вашей доверительницы – в чем мне, как знатоку сердец, позвольте усомниться, но всякая тайна священна! – и, сударыня, позвольте вас уверить, что лучшего, надежнейшего, если смею так выразиться, прекраснейшего образца вам не найти. Но несколько слов о моей жизни.

Василиса Петровна. Но я, право, не знаю... все это так удивительно!

Зайчиков. Кратчайший куррикулум витэ²! Прогорел! Дважды прогорел! И если уж говорить по чистой совести, по всей правде, то не столько, сударыня, прогорел по воле стихий, если смею так выразиться, сколько, сколько... (*Многозначительно щелкает себя по шее.*) Вот! Каюсь! И если бы не мой достойнейший друг князь де-Бурбоньяк де-Лантенак...

Василиса Петровна (*всплескивая руками*). Батюшки, да он заснул! Он пьян! Кого же вы ко мне приводите – я просто не могу понять.

Князь действительно мирно спит, прижавшись головой к спинке дивана. Один пышный ус подвернул-

---

² Куррикулум витэ (от лат. curriculum vite) – описание жизни.

ся, другой, длинный и прямой, торчит наружу.

Зайчиков (*успокоительно*). Тс... это ничего: усталость на почве алкоголя. Спи, невинная душа, спи, древний отпрыск! Ах, сударыня, да неужели вы думаете, что князь де-Бурбоньяк де-Лантенак мог бы явиться по объявлению, хотя бы оно было сделано достойнейшей особой и в самых корректных выражениях, если бы не этот недостаток. Ведь если я вас понял, то семейное гнездо, так сказать, очаг и другие атрибуты не входят в намерение противной стороны?

Василиса Петровна (*успокаиваясь*). Да. Моя доверительница...

Зайчиков. Сударыня, здесь только благородные люди!

Василиса Петровна. Ну я, это все равно. По некоторым семейным обстоятельствам, о которых позвольте мне умолчать, я просто нуждаюсь в положении. Конечно, я очень ценю семейные радости, но мои годы, мой возраст...

Зайчиков. Сударыня, здесь я вижу клевету. Вы цветете, как роза, как бутон.

Василиса Петровна (*вздыхая*). Ах, голубчик, дело, наконец, не в годах, а в том, сколько человек пережил. А я, голубчик, столько пережила...

Зайчиков. Извольте быть вдовою?

Василиса Петровна (*вздыхает*). Девица.

Зайчиков. Невиннейший бутон! Но, сударыня, – за-
чем слова между умными и благородными людьми? О
слова, слова! Я вас понял... простите, имя, отчество?

Василиса Петровна (*нерешительно*). Василиса
Петровна.

Зайчиков. Зачем слова, дорогая Василиса Петров-
на? Я вас понял, и вы меня понимаете. После брако-
сочетания князь, мой достойнейший друг, немедленно
едет путешествовать... расстроенное здоровье, на-
следственные болезни, наконец усталость от шумной
светской жизни... Ну, например, в Киссинген³ там или
Кисловодск. И дальше – ни слова, о друг мой, ни вздо-
ха! Ни вздоха!⁴ Так, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Так-то так... ваше имя, отче-
ство?

Зайчиков. Иван Алексеевич Зайчиков, бывший ан-
трепренер.

Василиса Петровна. Так-то оно так, дорогой Иван
Алексеевич. Но не слишком ли дорого это будет сто-
ить. Хотя я имею вполне обеспеченные средства и,
могу сказать с уверенностью, нисколько не уроню в
грязь древнего имени де... де...

---

³ Киссинген – курорт в Германии.

⁴ ...ни слова, о друг мой, ни вздоха! – Строка из романа П. И. Чайков-
ского «Молчание» на стихи А. Н. Плещеева.

Зайчиков. Де-Бурбоньяк де-Лантенак. Древнейшее имя, сударыня.

Василиса Петровна. А документы есть?

Зайчиков. О святая недоверчивость! Ей недостаточно зреть этот древний отпрыск... нет, нет, я вполне понимаю вас. Наша честь при нас, как говорится, а документы все в полнейшей исправности. Можно хоть завтра под венец.

Василиса Петровна. Так вот, дорогой Иван Алексеевич, я очень, очень польщена честью, которую оказывает мне князь, но путешествие по нашим временам стоит так дорого, и вообще...

Зайчиков (*укоризненно*). Ах, Василиса Петровна!

Василиса Петровна. Но вы поймите...

Зайчиков. Ах, Василиса Петровна, за князя-то! Ах, Василиса Петровна!

Василиса Петровна. Да ведь он вон какой.

Зайчиков. Какой? Ах, Василиса Петровна, не ожидал я этого от вас. Ведь это же надо только посмотреть, – ведь это же надо понять! Боже мой, да разве мы пришли бы к вам, если бы не этот наш недостаток. Но пьет! Неудержимо пьет! Как плотина! Я ему говорю: «Князь, друг мой, неужели ты не можешь удержаться? Ведь пойми, что ты ставишь на карту?» Князь... – Нет, Жан, не могу. «Не можешь?» – Не могу, Жан... А что за ум, что за красота! Нет, позвольте,

Василиса Петровна, позвольте взглянуть...

Василиса Петровна. Ну, что я его такого буду смотреть? Нет, нет, не надо.

Зайчиков. Да позвольте, Господи Боже ты мой. Ну, одним глазком!

Подводит слегка сопротивляющуюся Василису Петровну к дивану и зажигает лампочки над головой у мирно спящего князя.

Позвольте, я посвечу. *(Умиленно любуется.)* Нет, что же это такое! Какая мужественная красота, какое тонкое выражение, сколько благородства! Ах, князь, князь, спи спокойно, душа твоя не ведает греха, душа твоя не ведает о той низкой доле, в которую ты погрузился! Спи, князь.

Василиса Петровна. Да, так он недурен. Но неужели он всегда пьян? – ведь это такое несчастье. Он еще молодой человек?

Возвращаются на прежнее место.

Зайчиков. Молодой? И вы спрашиваете, Василиса Петровна? Скажу не хвастаясь, Василиса Петровна: дурной я человек, очень дурней: много за мной всякой несправедливости, подкопов, лицемерных поступков

– эх, недаром меня покарал Господь, недаром! И... виноват, лампочку забыл погасить. Спи, древний отпрыск! И много я видал людей, Василиса Петровна, – много их прошло перед моими глазами, и всякие там были – но лучше человека, чем князь, я даже вообразить не могу! Вот-с!

Василиса Петровна. Вы его любите. Это очень трогательно.

Зайчиков. Хм, люблю? Да как же я смею его любить? Уважаю! Почитаю, как святого, Василиса Петровна. Ведь нужно его знать, как я его знаю. И где мы только с ним не бывали, и на какие низы мы только не спускались, и сколько всякой мерзости мы не видали... когда я запиваю, я становлюсь ужасен, Василиса Петровна, недопустим, немыслим! Нетерпим в порядочном обществе!.. Но хоть когда-нибудь уронил себя князь? Никогда. Я вам сто тысяч дам – найдите вы мне человека, который слышал бы хоть единое грубое слово.

Василиса Петровна. Тогда это действительно очень жаль! Несчастный молодой человек.

Зайчиков. Нет. Он не несчастен. Мы несчастны, а он нет!

Василиса Петровна. Тише, Иван Алексеевич, вы очень громко.

Зайчиков. Извиняюсь, Василиса Петровна, но будь

я камень, будь я кирпич, я еще громче кричал бы! А какого великодушия человек! Необъятного великодушия! Сколько раз давали ему денег – есть там какие-то родственники-наглецы! – одевали его как картинку, портмоне на карманные расходы, цветок в петлицу, геометрический проборик... – все отдаст! И портмоне, и одежду, и цветочек какой-нибудь девке-стерве, – извините – отдаст. Ведь я, бывало, плачу, его уговариваю: князь, нельзя же так, ноблес оближ⁵, хоть костюмик-то поберегите, хоть цветочка-то не отдавайте! А он... улыбнется тихо – и отдаст! Да что: он бы кожу свою княжескую отдал, не будь бы она, к счастью, так крепко пришита.

Василиса Петровна. Мне это нравится, Иван Алексеевич. И князь ваш мне очень нравится. Но, конечно, это не меняет условия...

Зайчиков (*мрачно*). Воля ваша.

Василиса Петровна. Не обижайтесь, Иван Алексеевич, я без умысла. Просто мое положение... Но неужели ни одна великодушная женщина не пробовала его спасти?

Зайчиков (*все также мрачно*). Не знаю великодушных женщин.

Василиса Петровна. Это неправда, Иван Алексеевич. Есть женщины с благородным сердцем, и если

---

⁵ *Ноблес оближ* – (от фр. noblesse oblige) – происхождение обязывает.

им объяснить, если они, наконец, поймут...

Зайчиков. Не знаю великодушных женщин. Но я, кажется, увлекся – простите мою искренность, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Я нахожу, что вы очень странно выражаетесь, Иван Алексеевич: нет великодушных женщин. Ну, а если нет – тогда вашего князя нужно просто запереть.

Зайчиков. Запереть? – Василиса Петровна!

Василиса Петровна. Да, и нечего стесняться: на ключ! На замок! Пусть сидит!

Зайчиков. На замок? Князя? Ах, Василиса Петровна, Василиса Петровна! Нет, прошу вас послушать, вы послушайте: пригласили к нему родственники, давно это было, знаменитого гипнотизера, знаменитейшего: звезда! орел! грудь в орденах от всех европейских дворов и даже от Менелика⁶! Мог лошадь загипнотизировать!.. ну и что же? Заперли их в комнату, придут через час, а гипнотизер... как стелька. Сам запил.

Василиса Петровна. Да что вы! Какой ужас!

Зайчиков. Да. Карьера погибла у человека, а вы говорите: замок! на ключ! Тут любовь нужна, а не замок, любовь-с... Но вы изволили говорить об условиях – як вашим услугам.

Василиса Петровна. Да нет; я вижу, мы договорим-

---

⁶ Менелик – император Абиссинии (1844–1913).

ся. Но не бойтесь ли вы, Иван Алексеевич... я очень уважаю князя, но вы мне извините мои сомнения, мою женскую робость... Не думаете ли вы, Иван Алексеевич, что к венцу князь может явиться – ну не совсем нормальным?

Зайчиков. Ах, дорогая Василиса Петровна! Ну, как мне объяснить, как, наконец, растолковать! Вы изволили видеть, как сегодня князь вам поклонился – мы так с вами можем? Ведь это манеры, Василиса Петровна, настоящие манеры, которые в высшем свете. И такой человек, с такими манерами, что-нибудь себе позволит, да как же можно даже мысленно допускать? Такая красота и вдруг – как же можно так говорить, Василиса Петровна.

Василиса Петровна. Да ведь пьяный.

Зайчиков. Что он будет пьян, в этом я ручаюсь – но, чтобы хоть слово, или какой-нибудь там неприличный жест или даже нетвердость в ногах – как можно! Скала! Обелиск, Василиса Петровна, вот это что!

Василиса Петровна. Ну да: а вдруг заснет?

Зайчиков (*вставая, с достоинством*). Если вы даже до таких сомнений доходите, уважаемая Василиса Петровна, то смею думать, нам с князем необходимо откланяться. Честь имею.

Василиса Петровна. Вы не обижайтесь: ведь спит же он сейчас.

Зайчиков. Спит, ибо кроток, как агнец! Спит, ибо я бодрствую! Но как же можно допустить, чтобы под венцом, в изящнейшем фраке, во всей красоте, достойной его высокого звания, держа под руку такой очаровательный бутон – он мог заснуть. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!⁷

Василиса Петровна. Вы ко мне завтра зайдите, без князя, мы поговорим... о подробностях. Кстати, мне надо кое-какие справки... Видите ли, мне передавали, вообще советовали... Я не имею права называть фамилий, но есть еще один князь...

Зайчиков. Василиса Петровна!

Василиса Петровна. Очень древний и вообще... Конечно, если ваши желания не превысят того, на что я сама рассчитываю, то, конечно... Вы не обижайтесь, Иван Алексеевич, я вовсе не хочу вас обидеть, но вы сами понимаете... Женщина я одинокая, богатая...

Зайчиков. Я не обижаюсь. Но мне странно, поистине странно слышать ваши соображения, Василиса Петровна! Древний князь, – а дальше, а дальше, позвольте вас спросить? У нас... в том месте, где мы обитаем, живем, если можно так выразиться... в Гранд-Отеле! – и сейчас я могу насчитать одного барона и двух князей. Но барон – десять раз женат... нет, нет, я

---

⁷ *Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.* – Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой».

не моралист и ничего против не имею, но он женат – законно! И все жены живы, и не могу же я рекомендовать Сибирь из-за какого-то сомнительного барона? Остаются князья, но – один уже без глаза, в драке выковыряли...

Василиса Петровна. Ну что вы!

Зайчиков. Ну да, – а скоро и второго лишится – так этого ли вы хотите? Мне, право, смешно, Василиса Петровна. Наконец, третий князь кавказский, а вы сами понимаете, что это не то: кавказский коньяк перед заграничными фирмами марка не та! Вкус не тот! Аромат! – если можно так выразиться. А это? Какая красота! Какой ум!.. Нет, Василиса Петровна, не могу: извольте еще раз взглянуть.

Василиса Петровна. Да нет, не надо, я уже смотрела...

Зайчиков. Одним глазком?

Василиса Петровна. Нет, нет, я вам верю.

Зайчиков. Душевно тронут. Но если...

Василиса Петровна. Нет, нет. Так вы завтра зайдите ко мне, и мне кажется, что мы с вами сговоримся. Часов так в двенадцать...

Зайчиков. Весь к вашим услугам.

Василиса Петровна. Вот и поговорим, обсудим...

Зайчиков. Слушаю-с. Но, дорогая Василиса Петровна, отбросим хоть на минуту скучную прозу нашей

жизни – я поэт, Василиса Петровна, – и когда мысленным взором я вижу эту очаровательную пару: вас, одаренную всеми дарами природы, великодушнейшего князя во всем блеске его неподдельной красоты, стоящих перед алтарем – в торжественную минуту, когда незримо... ах, дорогая моя, вы извините меня, что я плачу! Подлая наша жизнь, Василиса Петровна, преподлейший сюжет! Ведь и я был человеком когда-то.

Василиса Петровна. Ну что, вы и теперь...

Зайчиков. Нет уж, о моей жизни покончен вопрос. *(Наклоняясь к Василисе Петровне, говорит почти шепотом, стучает пальцами себя в грудь.)* Преподлейший аневризм в самой жестокой степени – и первый же настоящий запой положит конец этому бренному существованию. Зачем жил человек? Но – долой грустную материю в этот радостный миг слияния сердец. Вот мое утешение *(показывает пальцем на мирно спящего князя)*, вот единственный луч в моем темном царстве! Только тем и развлекаюсь иногда в мыслях, что, как умру – первым же словом заговорю там о князе. Как спит, как дышит тихо!

Василиса Петровна. Надо будить. Мне, право, так жаль, Иван Алексеевич, но вы сами понимаете, что если б у меня была квартира...

Зайчиков. Нам не нужно квартиры! Но как спит,

но как дышит тихо! (*Любуется.*) Нет, вы видали когда-нибудь, чтобы так спал человек – положил голову как птичка и спит себе на ветке. Но стоит воззвать – и вот он пробудился – великодушнейший из людей, счастливейший между князьями земли (*осторожно будит*). Князь, друг мой!.. Князь (*Василисе Петровне, тихо*). Вот посмотрите! – Князь, нам надо идти.

Князь открывает глаза и встает с таким видом, как будто он и не спал и не просыпался. Оправляет усы и стоит, слегка наклонив голову, в очень скромной и даже красивой позе. Только слегка, еле заметно, покачивается в коленях.

Князь, мой друг, как ты себя чувствуешь?

Князь. Мерси, хорошо.

Зайчиков. Князь, Василиса Петровна желает проститься с нами.

Василиса Петровна. Я очень польщена, князь, нашим знакомством. До свидания, дорогой князь.

Князь. Бонсуар⁸, мадам.

Замирает в позе изящного поклона, Зайчиков любуется с блаженнейшей улыбкой на лице.

---

⁸ Бонсуар (от фр. bonsoir) – добрый вечер.

Занавес

Действие третье

Свадьба по первому разряду в ресторане второй руки. Все поставлено! бывшим антрепренером Зайчиковым. На сцене второразрядная пышная ресторанный гостиная с искусственными пальмами в темных углах. В открытую дверь виден обеденный зал; посередине длинный стол, сервированный на 15–20 персон. Отдельно стол с закусками а-ля фуршет. На том и другом столе видимое и крайнее изобилие спиртных напитков. Лакеи в приличных фраках, но во вчерашних манишках; и не все бриты. Гости специальные, наняты Зайчиковым от пяти до пятнадцати рублей за вечер. Все одеты очень прилично и имеют такой вид, как будто они настоящие. Но стесняются; особенно смущает их то, что их так много. Некоторые, особенно дамы, стараются показать, что они действительно приглашены, а не наняты. Друг друга никто не знает. Всего их человек двенадцать. Гости первого плана: Барон Икс – солидный седой господин представительного вида, бывший биржевой делец, ныне состоит под судом. К положению своему как нанятого гостя равнодушен; сосредоточенно думает о чем-то, покусывая перчатку; курит сигары. Отставной гене-

рал Дзет («Генерал на свадьбе») – пьяный, опустившийся, распухший человек, пришедший не столько ради денег, сколько для выпивки и компании. Коммерции-советник – Игрек, стесняется, не знает, куда сесть, старается спрятать медаль, которую надел из добросовестности. Помещик Эн, – также смущенный, но веселый человек, которому постепенно становится все это смешно. Два студента со шпагами: больше похожи на немолодых бритых актеров, не умеющих носить форму. Гости второго плана: – фигуры очертаний неопределенных. Три похожих друг на друга, но весьма солидных господина: как будто отставные чиновники – а может быть, и не чиновники. Молодой человек нагло скучающего вида: весь развинченный, расхлябанный, с истощенным, покрытым красными пятнами, серым лицом; часто смотрит на часы, презирает пальмы, ковер, Зайчикова. Думает о подложном векселе, которому завтра срок. Четыре загадочные дамы, по-видимому, из общества; при двух дамах столь же загадочные декольтированные, но вполне приличные девицы. Кажется, одна из дам, пожилая, в наколке, худая, с обвисшими щеками – актриса. Еще два, три смутных и почти неподвижных лица.

Зайчиков суетится и режиссирует. Сам он ра-

достно взволнован, хотя пока еще трезв; не обращает внимания, что жилет у него короткий и видна полоска белой рубашки. Изредка, с жестом мгновенного отчаяния хватается за голову – как режиссер, которому попалась трудная, не спевшаяся труппа.

Ждут из церкви новобрачных.

Зайчиков. Господа, господа, не дымите же так безбожно! Кто хочет покурить, пожалуйста в маленькую гостиную! Ах, виноват, барон: гаванна? Какой аромат... удивительно!

Барон. Гаванна.

Зайчиков (*студенту*). А вы, голубчик, папиросочку бросьте. (*Тихо.*) Послушайте, как вас, вы рекомендуете себя талантливым актером, берете с меня пять рублей, как оперный певец, а не умеете держаться на сцене... в обществе!

Студент. Что же мне делать?

Зайчиков. Что? Да вы занимайте... эх, видите, как все сидят! Надо было репетицию, но разве... (*Помещику.*) Так-то, дорогой Степан Григорьевич!..

Помещик. Николай Андреевич.

Зайчиков. Так-то, дорогой Николай Андреевич. Живем? Ну, как посевы, озимые, яровые?

Помещик. Н-да, посевы.

Зайчиков. Золотое дно ваше... Отрадное. Какие леса, какие пажити и луга – дух замирает! Да, господа, что ни говори – а для всей Европы житница наша матушка Россия. Верно, ваше степенство?

Коммерции советник (*растерянно*). Не знаю.

Зайчиков. Как же не знать, помилуйте! Вот, генерал, наше третье сословие, говорит, что не знает – хитрый народ, а? До того хитрый, что... ваше мнение, генерал?

Генерал. Н-да, мое мнение. Послушайте, Иван Андреич...

Зайчиков. Иван Алексеевич Зайчиков.

Генерал. Послушайте, а они скоро будут от венца?

Зайчиков. Должны быть сию минуту. Да, что ни говори, а требования организма... не так ли, сударыня?

Генерал. С певчими?., ну свадьба, я говорю, с певчими?

Зайчиков. Как же, как же! Князь де-Бурбоньяк, мой достойнейший друг, не может пожалеть там каких-то денег, раз дело идет о блеске древнего имени. Ах, господа, я вижу, вернее сказать, я знаю, что не все здесь присутствующие достаточно осведомлены о достоинствах князя, – но, господа, в такой торжественный день злые языки должны умолкнуть, мир и согласие да царствуют в умиленных сердцах. Не так ли, досточтимая Дарья Степановна? (*Тихо.*) Дарья Сте-

пановна, хоть ты поддержи меня, видишь, какие кики-моры, чтоб их черт побрал. Ну и труппочка, черт бы ее... Ври!

Дарья Степановна. Что ж я буду врать? Сам виноват, чего ж раньше не сказал толком.

Зайчиков (*свирепо*). Что врать? Ух, старая лошадь, а соврать не умеешь? – Так-то, дорогой Андрей Иванович, живем? Ну, как посева, пажити? (*Развинченному молодому человеку.*) Послушайте, но нельзя же так: там сидят очаровательные девицы, бутоны, если смею так выразиться, а вы... мировая скорбь, эх!

Молодой человек. Что такое?

Зайчиков. Дорогой! Я понимаю: мировая скорбь, Байрон, Шиллер, Сервантес, но ведь надо же и жизнь! Жизнь для жизни нам дана.⁹

Молодой человек. Это вы мне? Вы забываетесь, любезный.

Зайчиков. Что такое? Я забываюсь? Ну-н... хорошо, хорошо, потом поговорим. Скажите пожалуйста!.. Вам честь оказана, молодой человек, будь вы там маркиз или кто угодно, что князь де-Бурбоньяк пригласил вас. Скажите пожалуйста! (*Проходящему лакею.*) Послушай, эй ты, любезный, это что же у тебя: ты когда это воротничок надел? Ты не понимаешь, какой

---

⁹ *Жизнь для жизни нам дана.* – Строка из стихотворения И. П. Ключникова «Жизнь» (1840).

сегодня день, а?

Лакей. Хозяину скажите, Иван Алексеевич.

Зайчиков. Хозяину? А где он, этот мошенник, подать мне сюда этого мошенника! У, аршинники, самоварники...

Быстро уходит вслед за лакеем. В гостиной неловкое и напряженное молчание, друг на друга стараются не смотреть.

Дама (*нерешительно*). Как здесь душно. Вы не находите?

Вторая дама. Да. Очень теплая зима.

Первая дама. Да, удивительно теплая. Сегодня на Тверской уже показались на колесах. Вы на санях приехали?

Вторая дама. Да.

Первая дама. Подумайте, и я имела неосторожность приказать заложить сани. Так ужасно скрипят полозья, что это невыносимо!

Помещик (*не выдерживая, генералу*). Вот врет! Вместе в трамвае приехали.

Генерал (*сердито*). Что-с?

Помещик. А то, ваше превосходительство, что надо же овладеть положением! Ужасно курьезный случай! Позвольте рекомендоваться – бывший уездный

предводитель, помещик...

Генерал (*любезно*). Очень рад. Генерал в отставке...

Помещик. Очень приятно. А любопытный тип этот Зайчиков: он мне положительно нравится. Врет каналья, как артишоки ест, и хоть бы поморщился.

Генерал (*снова хмурясь*). Не обратил внимания. Но случай действительно курьезный, хотя мы можем утешаться, что общество в конце концов весьма, весьма приличное. Правда, кое-кто подозрителен, но... Скажите, вон тот господин с сигарой действительно барон?

Помещик. Не могу знать, ваше превосходительство, кто действительно, а кто недействительно. Вон там сидит – Зайчиков мне сказывал, – действительный статский советник, но поручиться, что он действительно действительный или недействительно действительный...

Оба смеются.

А вы, ваше превосходительство?

Генерал. Что-с?

Помещик. Нет... А какого вы вообще мнения о сем курьезном происшествии.

Генерал. Видите ли, иногда – и я вполне понимаю

и одобряю эти чувства – меня, как почтенное лицо, приглашают на какую-нибудь, ну там мещанскую, разnochинскую свадьбу... Конечно, им приятно, да и сам иногда входишь в положение... молодые люди, брак, вся жизнь впереди... Но здесь – что-то весьма странное, весьма странное. Здесь, по-видимому, не только я один...

Помещик. И я.

Генерал. Но и все остальные... Очень, очень курьезный случай. Я ничего не понимаю. Фантазмагория какая-то! И я даже жалею, что приехал.

Помещик. Что есть истина? – сказал один мудрец.

Генерал (со вздохом). Вы философ, Иван, Иван...

Помещик, Николай Андреевич, к вашим услугам. Эх, ваше превосходительство, чем только не станешь, когда поживешь как следует. Но, кажется, едут. Простите, ваше превосходительство, я – посаженный отец!

Смеясь отходит. Почти одновременно вбегают с одной стороны два шафера – также нанятые, но опытные молодые люди – и с другой стороны несколько побледневший от волнения Зайчиков. Гости проявляют признаки некоторого оживления. Коммерции-советник переменил ногу, на которой он все время стоял в невольной позе полководца. Ша-

фера кричат; «Едут, едут! Где Иван Алексеевич?.. Едут».

Зайчиков (*взволнованно*). Я здесь, здесь. Господа, приготовьтесь! Кто посаженный отец?.. Посаженого отца!! Ах, виноват, Григорий Петрович, сюда, сюда. И вы, сударыня, рядышком, так. А, Господи, Боже мой. А где же зерно, пшеница, как там?

Шафер (*также озабоченно*). Вот, Иван Алексеевич, вот. Мальчик, ты здесь стань.

Разряженный мальчик с блюдом зерна становится возле посаженных отца и матери.

Зайчиков. Да, да, пожалуйста, господа: как только войдут молодые и станут на колени, вы их осыпайте хмелем, то есть зерном или как там!..

Шафер. Нет, Иван Алексеевич, не так. Так не делается. Раньше надо благословить, а потом уже зерном. Как же это, возможно?

Зайчиков. Ну да, да, я и говорю. Господа посаженные отец и мать! Сперва благо... вот они.

Входят Василиса Петровна и князь. Она – в шелковом светло-сером подвенечном платье, в фате и с цветами на голове; он – в очень изящном, новом

фраке, сдержан, держится спокойно и просто. За молодыми еще трое-четверо гостей и Яша-дворник с Маргаритой. Яков – в черной суконной поддевке и красной шелковой рубаше, Маргарита в скромном белом платье, на черных волосах цветы. Лакеи открывают шампанское, шум; молодые становятся на колени, их осыпают зерном. Шафера кричат – музыка! Невидимый оркестр в зале играет туш.

Зайчиков (со слезами). Дорогой мой, князюшка ты мой... Господа, поздравлять молодых! Василиса Петровна – дорогая – княгинюшка-матушка...

Гости разбирают шампанское, выбирая бокалы, где больше налито; некоторые тихо спорят с лакеем. Поздравляют.

Зайчиков (целует руку Василисы Петровны, она целует его в лоб). Дорогая моя, княгинюшка, дай вам Бог многие лета, в здоровье и благополучии. Деток наживите нам побольше, простите грубияна! Князь!

Крепко и долго целует князя, утирает слезы.

Милый! Ну что мне тебе сказать?! Живи ты и украшай... да что, брат, и слов у меня нет. Шарманочные,

брат, у меня слова. Поцелуй меня еще!

Шафер. Музыка.

Снова туш. Поздравляют. Мужчины сдержанно и серьезно целуют у Василисы Петровны руку; дамы нежно целуются. Одна почему-то плачет. Вообще все очень серьезно и похоже на настоящее.

Яков. Дозвольте и нам, Василиса Петровна...

Маргарита (*тихо*). Княгиня, Яша.

Яков. Княгиня...

Василиса Петровна. Яшенька, голубчик мой! (*Целует его и утирает осторожно слезу.*) Голубчик ты мой, дай Бог и тебе всего, всего хорошего, самого большого счастья, какого ты хочешь... Маргариточка, милая, спасибо, я так рада... (*Барону.*) Мои протезе...

Зайчиков (*подсказывает*). Барон.

Василиса Петровна. Мои протезе, барон. Покажись, Яша – вот видите какой. Он очень, очень милый молодой человек, барон! Я его так люблю... (*Треплет Якова по щеке.*) Ну иди себе, голубчик. Вы не находите, барон, что для человека... простого он очень мило держится... Ах, господа, фату пустите!

Шафер. Фату, фату!

Снова музыка, снова туш. Поздравляют. Поме-

щик, которому, видимо, понравилась Василиса Петровна, вышел из своей роли посаженного отца и что-то любезно говорит ей. Вместе с генералом, который также повеселел, уговаривает ее еще выпить шампанского, но она решительно отказывается. Князь, отдыхая, стоит в стороне, вынимает серебряный портсигар с золотой монограммой, подарок Василисы Петровны, и закуривает. Трудно понять, пьян ли он или совершенно трезв. Подходит Зайчиков и молитвенно смотрит на него.

Зайчиков. Князь!

Князь. Что, дорогой?

Зайчиков. Князь! Ну доволен ли ты, скажи! Если ты не доволен, я руки на себя наложу, честное слово, брат, руки на себя наложу. Милый ты мой, великодушнейший друг мой – я перст перед тобою, пыль, дрянь, но я доволен! Но ты молчишь, но ты улыбаешься, но ты раздираешь мое сердце...

Князь. Да, я доволен. И не суетись так, дорогой, опять будешь задыхаться.

Зайчиков (восторженно). И задохнусь! От радости задохнусь! (Умоляюще.) Милый, благороднейший ты мой человек, а что, если нам с тобою – для такого великого дня – дать зарок, обет, так сказать, трезвости? Родители бы твои покойные да и я бы... никому я не

нужный человек, а все ж таки – человек я, князь!

Князь молчит, улыбаясь.

Зайчиков (*упавшим голосом*). Не можешь? Ну, ну, оставим. И правда, что это я – расслабленный из Капернаума¹⁰, черт его подери с его мировой скорбью, даже и не знаю кто он, черт его подери – двадцать пять рублей. Конечно, можно было у нас в бюро набрать, и дешевле бы стоило, но зато, брат, настоящие! Из нашей актерской братии только Дарья Степановна напросилась, старая лошадь... а музыка-то? Эх, голубчик, есть в этой музыке что-то разлагающее душу – ну что Гекуба? А вот плачу, старый актер... дурак!

Князь. Недурны.

Зайчиков. Старался, брат! По пятнадцати рублей срыла! А вот тому – видишь – расслабленный из Капернаума¹⁰, черт его подери с его мировой скорбью, даже и не знаю кто он, черт его подери – двадцать пять рублей. Конечно, можно было у нас в бюро набрать, и дешевле бы стоило, но зато, брат, настоящие! Из нашей актерской братии только Дарья Степановна напросилась, старая лошадь... а музыка-то? Эх, голубчик, есть в этой музыке что-то разлагающее душу – ну что Гекуба? А вот плачу, старый актер... дурак!

Шафер (*подбегая*). Иван Алексеевич, я вас везде ищу. Надо к предварительной закуске просить. Помилуйте, что же это такое... Ах, виноват, князь!

Зайчиков. Сейчас, сейчас, голубчик. Дай отдохнуть. (*Треплет его по плечу.*) Ну как, доволен?

Шафер. Чудесная свадьба!

Зайчиков. А невеста?

---

¹⁰ ...*расслабленный из Капернаума*... – Согласно евангельскому преданию, Иисус, будучи в городе Капернауме, исцелил больного (расслабленного) слугу сотника (От Матфея, 8, 5-13).

Шафер на лету целует кончики пальцев и исчезает.

Зайчиков (*мечтательно*). Князь... а не можешь ты – вообразить? Ты скептик, я знаю – но ведь черт возьми! – воображаем же мы, актеры. Ну, вообрази. Вообрази, что это самое настоящее, какое только есть у Бога, и что ты, древний отпрыск, великодушнейший из людей, наконец вступаешь рука об руку с очаровательным бутонем в чертоги Мира и Красоты. Послушай, князь, как для тебя играет музыка, возвещая, так сказать, всю чистоту твоей души, как на крыльях... (*упавшим голосом*). Не можешь? Ну ладно, не сердись – рассиропился я, брат. (*Громко.*) Господа, прошу закусить! Господа шафера, прошу исполнять ваши обязанности.

Совместно с шаферами устраивает кавалеров и дам, суетится.

Князь (*кланяясь Василисе Петровне и предлагая ей руку*). Княгиня, позвольте вас просить.

Василиса Петровна. Ах нет, князь, я так устала, я потом. Закусывайте без меня, я приду...

Зайчиков. Княгинюшка-матушка, да как же мож-

но? – без вас, как без солнца, вон и князь наш, как подсолнечник, головку повесил.

Василиса Петровна. Нет, нет, Иван Алексеевич, я здесь посижу. Я сейчас. Яша, а ты что же? Мой протеже, князь. Ну посиди со мной, Яшенька, поболтаем, посмеемся. Маргариточка, ты что же не идешь закусь сывать – иди, голубчик, иди. Я твоего Яшу не украду.

Маргарита. Мерси, ваше сиятельство.

Все уходят. В гостиной остаются только Василиса Петровна и Яков.

Василиса Петровна (*снисходительно*). Ты что же стоишь, Яков? Садись, голубчик. Ты был сегодня в церкви?

Яков. Был.

Василиса Петровна. Такая масса народу, любопытных, у меня так кружилась голова, что я никого не видала. Спасибо, голубчик, что не забыл старого друга. Помнишь еще?

Яков. Помню, Василиса Петровна. Как же можно забыть, я памятный. Но, конечно, если надо забыть, то и забыть могу – а вам как угодно, Василиса Петровна?

Василиса Петровна. Да. Для других княгиня, а для тебя, Яша, навсегда Василиса Петровна. Пожалуйста,

так и зови меня. Нет, зачем же забывать – забывать не надо.

Яков. Да что только помнить?

Василиса Петровна. Вот именно, Яша. Я знаю, что ты очень умный и деликатный человек и не можешь не понимать разницы, которая, к сожалению, между нами. Ты, Яша, человек, низкого звания, раб, а я – благороднорожденная княгиня. Ты обратил внимание, какое у меня общество, какие достойные, всеми уважаемые люди оказали мне честь: ах, барон, он такой прекрасный человек!

Яков. Видал. Василиса Петровна, а князь-то ваш?..

Василиса Петровна. Что? Да, да, к несчастью, Яша, к несчастью. Но я не стану тебя обманывать, дружок, князь сегодня же, прямо от стола, уезжает путешествовать... в Киссинген там или Кисловодск, я не знаю. Не буду таиться, открою тебе мое сердце: князь, при его благородной внешности, при его чудесных манерах, при его, наконец, удивительной скромности, произвел на меня с первого же раза неотразимое впечатление. И кто знает, Яша, не здесь ли судьба готовила мне счастье? Но... невозможно, Яков, он неизлечим, к несчастью. Бедный князь!

Яков. Вы еще молоды, Василиса Петровна, еще кого другого по сердцу встретите. Мало ли на свете людей: так еще полюбите, что и князя своего забудете.

Верно?

Василиса Петровна. Азе, нет, Яков, что ты говоришь! (*Улыбаясь.*) Как это можно, голубчик! Нет, я скажу тебе откровенно, для меня все радости кончены, и смотрю я на свою жизнь, как на подвиг. Мы, князья, нашей жизнью должны подавать пример, а не унижаться до поступков; пусть люди низкого звания поступают, а мы должны быть горды и неприкосновенны.

Яков. Так. Что ж, живите, а мы завидовать будем.

Василиса Петровна. Завидовать, Яша, не надо, грех. И, наконец, разве ты не можешь устроить себе вполне приличную жизнь? Вспомни мой совет: купи себе кусочек земли под городом и стань огородником, капусту сади, огурцы – это дело чистое, приятное и людям, и Богу. Ты был на родине, Яков?

Яков. Да нет, все собираюсь. Маргарита вот по монастырям все меня таскает, божьих людей ищет, да не находит. Она ищет – а мне что? Василиса Петровна, а нехорошо это.

Василиса Петровна. Что, голубчик, нехорошо?

Яков. Да все. Но только, отчего я не могу, например, почувствовать? Другой какой человек, если трезвый не может, так хоть пьяный напьется, до настоящей точки себя доведет, а я Сколько, например, не пью – только на один глаз и пьян. На один пьян, а другим все подозреваю, как сквозь стекло. И так отчетли-

во вижу – ах ты, да скажи ты, до чего отчетливо! Или, например, случается мне кашу заварить: и – и, чего тут только не бывает, только, только земля не содрогается! – и все эту кашу хлебают, а у меня ложку черт украл. Вот я какой – удивительный!

Василиса Петровна (*прислушиваясь*). Какая чудная музыка. Ты музыку любишь, Яков?

Яков. Я и песенки пою – отчего же? Люди плачут: стало быть, хорошо пою. Петь-то пою, да спеться ни с кем не могу: они в плач, а я вскачь – уж какая тут спевка!

Василиса Петровна. Ну песенки, это... Нет, зачем же так. Так не надо.

Яков. Или души у меня нет? Бывает иной раз: вот уж и к сердцу подошло, вот сейчас прозрею, вот сейчас удивлю, вот... и что ж такое? Куда все девалось? Ничего. Заключился я в себе, Василиса Петровна, а ключ-то, видно, потерявши. И был Яшка-дворник, а стал Яшка-затворник (*смеется*).

Василиса Петровна. Да – я этого не понимаю, голубчик. Но должна тебе заметить, что ты мне не совсем нравишься. Зачем эта гордость, Яков, даже презрительность? Откуда? Почему, наконец? Люди, мой друг...

В зале гремит туш. Дверь распахивается, и с бо-

калами в руках показываются шафер, Зайчиков и еще двое-трое из гостей. Веселы.

Шафер. Горько! Княгиня, горько!

Зайчиков. Княгиня, матушка! Требуют! Горько! Всеобщий бунт и восстание рабов!

Шафер. Горько!

Василиса Петровна. Хорошо, хорошо, скажите, сейчас иду. Иван Алексеевич, на одну минуту, простите, господа, что лишаю вас...

Гости уходят, Зайчиков приближается с блаженной улыбкой.

Зайчиков. Княгинюшка, как я бессмертно счастлив! Ныне отпускаеши...

Василиса Петровна. Да? Послушайте, Иван Алексеевич, вы очень милый, очень обязательный человек, и я от всей души... но что это такое? Послушайте, что это такое, где вы? Какое-то «горько» – что это, мещанская свадьба, пирушка?

Зайчиков (опешив). Княгиня?!

Василиса Петровна. Или вы никогда не видали, не знаете простой разницы между какой-то свадьбой в избе и бракосочетанием? Горько!.. Пора быть умней, Иван Алексеевич.

Зайчиков (*хлопает себя по лбу*). Верно! Умница! Тут княжеская свадьба, бонтон, а я: горько! Провалился! Пардон – и ручку, умница, виноват, – княгиня!

Василиса Петровна. Я не сержусь. Идите, идите, нечего ручку. Я за вами.

Зайчиков уходит. Яков смеется.

Яков. Как вы его щелкнули, даже вспотел барин.

Василиса Петровна. Нельзя же в самом деле допускать! Ты что-то говорил, Яков, я забыла... Ах да. Ты же помнишь, что у меня твои деньги?

Яков. Помню.

Василиса Петровна. Там накопились кое-какие проценты, но я думаю, что ты еще не нуждаешься... А я, знаешь ли, свои в банке устроила и некоторые бумаги купила, но только верные: ах, теперь так трудно с деньгами!..

В зале оркестр играет попури из Травиаты.

Нет, это надо послушать: какая прелесть – очаровательно!

Мечтательно слушает. Яков внимательно и с любопытством рассматривает ее.

Яков. Василиса Петровна, а как насчет?.. Да нет... Василиса Петровна. Что, голубчик? Замечталась я. Надо идти.

Встает. Яков также.

Яков. Спросить хотел, да ничего. Пустяковый вопрос, не стоит и спрашивать. Значит, так, Василиса Петровна?

Василиса Петровна. Да, Яша. Ну иди, голубчик, к столу, я потом, а то вместе неловко. Ты, Яшенька, пожалуйста, без стеснения, кушай и пей, а иначе ты меня обидишь. Иди же.

Яков. Видал я нынче, руку они у вас целовали. Как это они делают?

Василиса Петровна (*улыбаясь*). А что, может быть, и ты хочешь?

Яков. Нет, куда мне, я не сумею. (*Усмехаясь.*) Нет, я так. Пошел я, значит.

Уходит; в зале его встречают веселым, видимо, уж пьяным криком. Там весело. Василиса Петровна встает, оправляется и медленно идет к столовой, на полдороге останавливается, оборачивается и думает. Глаза закрыты, как во сне.

Василиса Петровна. Княгиня!..

Занавес

Действие четвертое

Постоялый двор на глухом заброшенном тракте, на окраине небольшого бедного села. Состоит дом из двух половин, разделенных холодными сенцами, – чистой и грязной. Осень. Ночь. На сцене грязная половина дома – большая, темная, закопченная комната, с русской, небеленой, давно нетопленной печью. Простые лавки, стол, на котором остатки какой-то еды, два огурца, початая бутылка водки, стаканчик. Голо, бедно. В передней стене два маленьких слепых оконца, за ними – тьма осенней ночи. Над столом, на стене, жестяная лампочка, с отбитым краем стекла: светит скудно, бросает черные тени и углы оставляет в темноте. На лавке, в тени, сидит Маргарита, думает; на лоб напущен край большого, черного, теплого платка, в который она кутается. В первую минуту, когда поднимается занавес, ее не замечаешь. Где-то – потом, оказывается, на печке – храпит спящий Феофан, дышит тяжело, как больной, постанывает. А с чистой половины, где с девками и мужиками пьянствует Яков, глухо доносится визг нескольких гармоник, отрывки песен и непрерывный дробный стук каблуков. По-видимому, там пляшут, но топот настолько непрерывно

вен, непонятен в своей непрерывности, что постепенно начинает казаться чем-то угрожающим, зловещим, небезопасным. Либо изба сейчас развалится, либо это не танцуют, а делают что-то другое – дурное и жуткое. Может быть, убивают – или сейчас убьют – кого-то. Открывается дверь в сенцы и входит Ньюша – востроносая девка-подросток, лет пятнадцати.

Ньюша. Барышня, а барышня!

Маргарита (*тихо*). Чего тебе? Ступай.

Ньюша. А вы тут, барышня? Идите к нам.

Маргарита. Зачем лезешь? Иди себе, иди.

Ньюша. Сейчас. Сидит барышня на лавочке в платочек закутамши. Это Феофан храпит?

Маргарита. Феофан.

Ньюша. Ишь как дышит-то, болен, должно. Это он водку пил? Он, кому же больше. Один стаканчик только и выпил. Огурцы.

Маргарита. Ну чего прилезла, говорю, иди.

Ньюша. Сейчас. И как же вам тут не скучно, барышня? И шли бы к нам, у нас весело, что ж вы тут сидите.

Маргарита. Нездорова.

Ньюша. Нездорова?

Садится.

Маргарита. Нездорова.

Нюша. А то шли бы к нам, барышня, у нас весело мужики пляшут, весело. Пьянии все, и девки пьянии-распьянии. А вы ничего и не пьете, барышня, наливочки бы выпили.

Маргарита. А ты пила?

Нюша. И не единой капелки, и не притронулась даже, я молода еще. Меня Яков Иваныч угощал, угощал, просил, просил, улещивал, улещивал, а я и не стала. Молода я еще.

Маргарита. И не надо. Тебя как звать?

Нюша. Нюша. А вас, барышня, я знаю, как зовут, да не помню.

Маргарита. Я не барышня, такая ж мужичка, как и ты.

Нюша. А ручки-то беленькие.

Маргарита. Не работаю, оттого и беленькие.

Нюша. А отчего же вы не работаете?

Маргарита. Любопытная ты.

Нюша. Любопытная я. Оттого, должно быть, и не работаете, что работы такой нет. А может, и не умеете ничего и делать-то. Ах ты, угодники-святители, как топочут-то, всюю избу завалют.

Маргарита. Это они пляшут? Как же это могут они без отдыха, я уж прислушиваюсь, прислушиваюсь. Не

дерутся?

Нюша. Нет, пляшут. И какая вы, барышня: отдыхать? Кто ж отдыхает, когда пляшет, и что вы такое говорите!

Маргарита. А ты плясала?

Нюша. Молода я еще, затолкают. А отчего Феофан так храпит, мне даже страшно слушать?

Маргарита. Болен он.

Нюша. Храпит, храпит, а потом и сдохнет. Это его домовой душит, зачем пришел, говорит, тут тебе, говорит, не место, говорит. Барышня, а много у Якова Иваныча денег?

Маргарита. Много.

Нюша. Теперь не много, он на родине много роздал, родителям две тысячи дал, девкам подарки сделал, одной бабе так сразу полтора ста рублей и отвалил, не поперхнулся. Уж такой он щедрый.

Маргарита. А откуда ты знаешь?

Нюша. Все говорят. Барышня, а зачем урядник с ним водку пьет, прохлаждается, и саблю снял?

Маргарита. Не знаю.

Нюша. Попьет, попьет, а потом и в город поведет! ручки связамши.

Маргарита. Ну что ты мелешь, ну что ты мелешь. Иди-ка ты себе, иди.

Нюша. Сейчас. Барышня, а вы очень любите Якова

Иваныча?

Маргарита. Очень. Иди, тебе говорю.

Нюша. Сейчас. Его и все любят, так уж любят, и ума лишились, так уж любят. Полюбят, полюбят, а потом и разлюбят... Барышня, а у нас Митрей удавился в бане, сняли, а он уж и закаменел.

Маргарита. Когда?

Нюша. Давно уж, летом еще. Так я пойду. А то пошли бы и вы, барышня, у нас весело. Барышня, а где ж ваши платья, не вижу я что-то.

Маргарита. Да пойдешь ты или нет? Ида, и Якову Иванычу скажи, чтобы пришел. Скажи, я зову.

Нюша. Скажу. Прощайте, барышня.

Маргарита. Прощай.

Нюша уходит, поглядывая на печку, где храпит Феофан. Минутная пауза. Топот пляшущих, песни.

Феофан (во сне). Ммм... О, Господи, Владыко жи... Мм... батюшки...

Быстро входит Яков, сильно навеселе.

Яков. Что надо? Звала?

Маргарита. Ох, я больше не могу, Яков! Я рассудку лишусь. Что вы там делаете все?

Яков. Пляшем, что ж делаем.

Маргарита. Пляшете? Ох, а мне все кажется, что там убивают кого-то. Даже стоны я слышала, так и кричит, так и заливается. Яша, я рассудку лишусь! По-едем, Христа ради.

Яков. Куда ж на ночь ехать? Завтра и поедем. Легла бы ты.

Маргарита. Не могу.

Яков. Так в избу пойдем.

Маргарита. Не могу! Ничего не могу; землю под собой потеряла я. Скоро год мы с тобою мыкаемся, и все мы идем, и все мы едем...

Яков. А куда не приезжаем? Верно.

Маргарита. И все мы едем, и все мы кружим; петлю на петлю нанизываем, слезу к слезе причитаем. А кому мои слезы солонь? – и не человек будто плачет, а ручеек-речечка шумит, и нет на этот шум внимания. А ты все пляшешь как иступленный – и что же это? И засыпаю – ты пляшешь, и проснулась я – а ты все пляшешь, каблучками постукиваешь...

Яков. Расплясался, значит.

Маргарита. А кругом оглянись: Господи? – и стены пляшут, круги чертят. Сейчас легла я на лавку, платком с головой укрылась, забыться думала, – а пол так вот и дырчит: дыр-дыр-дыр. – Лишусь я рассудку, Яков, плохо тогда тебе будет.

Яков. Нет плохого, хуже хорошего.

Маргарита. Не усмехайся, Яков!

Яков. А отчего бы и не усмеяться?

Маргарита. Наплачешься!

Яков. Кому слезы, а мне все смех, Маргарита Ивановна. Эх, и посмотрю я на свои ноги: ну и что в них такого? Ноги как ноги – в сапожках. А вот пляшут, поди ты! – будто черт их ключом завел, так и скачут, так и перебирают. Отрубить бы их, а?

Маргарита. Что ж: будет конец?

Яков. Буудет! Ты мне начало покажешь, а тогда и я тебе конец покажу, за мной не пропадет. Эх, бабочка, милая, ты не скули, а плюнь да разотри! И разве я с тобой не согласен? – во всем согласен. Скажешь завтра: Яков, я желаю в монастырь – пожалуйста, как скоро, так сейчас. Нашего Яшу хоть в пирог, хоть в кашу.

Феофан (*ворочается*). О, Господи, Владыко живота. Воды.

Маргарита. Сейчас проснется.

Яков. А чтоб его черт! – так я пойду, Маргарита.

Маргарита. Я его боюсь. Не ходи, Яков.

Яков. Пугала-то огородного? Надоел он мне. А скандалить будет – позови.

Феофан (*хрипит*). Воды. Испить бы мне.

Яков. Чего там бурлишь?

Феофан. Воды.

Яков. Где там вода? Дай ему, Маргарита. Что, хрипун, опился?

Маргарита подает воду.

Феофан. Опился! *(Пьет воду.)* Яшка! Яков. Нету Яшки. Выходит. В избе все тот же непрекращающийся топот, гармоника.

Маргарита. Он ушел.

Феофан. Ушел. А кто ж тут был?

Маргарита. Яков был. Ушел.

Феофан. А зачем ушел? Ну-ка, дай мне водки.

Маргарита. Не дам. И так опился, несчастный!

Феофан. Дура! Воды дай! *(Пьет.)* Желтая вода-то. О, Господи, Владыко живота моего, и здоров же я пить, настоящий мученик. Водки дай!

Маргарита. Сам возьмешь.

Феофан *(кряхтя подымается)*. И возьму. Дура ты, ума у тебя нет. Как же ты можешь мне отвечать, когда у меня запой? Ты мне не дашь, а я тогда весь дом разворочу. Мученик я!

С трудом слезает с печи, садится у стола и долго не может отдышаться. Смотрит на водку.

Феофан. Вот она. А тронуть боюсь – рука не поды-

мается. Смотрю – а рука-то не подымается. Вот тебе и клюква. Может быть, я мертвый? – ну и царствие небесное, со святыми вечный покой. Так я говорю? Так.

Наливает один за другим три стаканчика и пьет как воду. Берет огурец, рассматривает и кладет обратно.

Круглый. Ну и царствие небесное, вечный упокой (*поет ровным густым басом*). Во пиру ль я была во беседушке, я не мед пила, не наливочку... Фух ты, здорово! А который день я запил?

Маргарита. Пятый уж.

Феофан. А где мы?

Маргарита. Двор это постоялый. На тракту мы.

Феофан. Здорово. А куда тракт идет?

Маргарита. Не знаю.

Феофан. И того здоровее! А отчего земля содрога-ется?

Маргарита. Пляшут.

Феофан. Кто?

Маргарита. Мужики пляшут. Яков народ созвал: они и пляшут. Да отвяжись же ты от меня, несчастный, не могу я тебя слышать.

Феофан. Здорово. А Яшка где? Яшку-каторжника

позови!

Маргарита. Да не ори же ты! Чего орешь?

Феофан. Яшку-каторжника позови, а то всю избу разворочу. Ну, зови! Пусть Яшка-каторжник попляшет, а я посмотрю.

Маргарита. Сам попляши.

Феофан. И сам попляшу (*притопывает ногой, сидя на месте*). Прунды бабка, прунды дед, хватились – хлеба нет... Отчего мне трудно дышать? Дыхну и нету, дыхну и нету.

Во время настоящего разговора и дальнейшего Феофан пьет не закусывая, постепенно хмелея.

Маргарита. Хоть бы ты, Феофан, бросил, – ах, да измучили вы меня все! Ах, да и мученица я! Ну, что ты пьешь? Ведь ты опух весь, как утопленник, вот-вот Богу душу отдашь.

Феофан. Как утопленник? Ишь ты, какой красавец. Ты не бойся, я не сдохну, я еще не все сказал. А вот как скажу, тогда и сдохну. Я уж скажу!

Маргарита. И отчего вы все такие – страшные вы все, как звери лесные. Яшка пляшет, а ты – ну что ты бурчишь? Ну что ты мычишь, как заблудившийся? Вот я же слушаю – ну раскрой же ты рот по-человечески, ну скажи ты мне хоть какое-нибудь слово...

Феофан. Слово? Я тебе скажу!

Маргарита. Ну хоть словечушко одно! Ведь я царица перед вами, – а кто чистоту мою почтил, хоть словечком уважил? Грозитесь, зубы скалите, как свиньи, над головою моей плясы пляшете, – а кто невинностью моей прельстился, душеньке моей преклонился? Жестокие! – Не человек я для вас, а тварь ничтожная. Ну что ты? Ну как ты смотришь? Ну ты же совсем как зверь.

Феофан. Нюхаю.

Маргарита. Что нюхаешь?

Феофан. Чем пахнет, нюхаю. Дура, это у меня от водки глаза выперло, а я все понимаю. Видала?

Делает неопределенный жест над головой.

Маргарита. Что?

Феофан (*таинственно*). Небо опускается. Голова болит?

Маргарита. Болит.

Феофан. Ну то-то! Каменное оно. Ты можешь морду вверх поднять?

Маргарита. Могу.

Феофан (*таинственно*). А я нет. Кто тут был сейчас?

Маргарита. Никого. Яков.

Феофан. Ну, Яков. А еще кто?

Маргарита. Никого.

Феофан (*хитро*). Никого? Хм, потеха. А отчего ж дышать нечем, если никого, ну-ка, скажи-ка? А отчего ж ты трясешься, если тут никого не было? Был – был и опять придет.

Маргарита. Кто? Не пугай ты меня. Ну, кто?

Феофан (*таинственно*). Называемый никто. Молчи! Яшку-каторжника позови, пусть он нам попляшет, а мы посмотрим. Ну зови, зови же, а то избу разворочу: силы у меня, как у Самсона. Как двину – так сей храм филистимлянский и набекрень.

Маргарита. Ну, и пляшите с ним.

Выходит. Феофан один. Пьет и поет.

Феофан. Во пиру ль я была, во беседушке... А Яшка-каторжник! Встань предо мной, как лист перед травой.

Вошли Маргарита и Яков. Маргарита, закутавшись платком, садится в угол.

Яков. Что тебе? Зачем зовешь?

Феофан. Пляши.

Яков. За этим?

Феофан. Пляши, Яшка-каторжник! Вот тебе мой сказ: и будешь ты отныне и до века плясать, как плясовица Иродова. Нет тебе, сквернавцу, моего прощения, – лучше и не проси (*кривит рот*). Усмехаешься?

Яков. Усмехаюсь.

Маргарита (*из угла*). Наплачешься, Яков.

Феофан. Яшка! И вот тебе мой сказ: и будешь ты усмехаться отныне и до скончания века. Кто убил, говори.

Яков. Я.

Маргарита. Яков! Зачем болтаешь?

Яков. А что ж он орет? Я убил. Слышал? Чучело огородное.

Феофан (*протяжно*). Слышал! Очень даже слышал.

Яков. И еще убью, слышал? Молчи, Маргаритка, – чего он разорался тут? Какую волю взял, подумаешь. А откуда ты ее взял? Ну и грешники, ну и ад, ну и смола кипящая, – ну а еще что?

Феофан. Не боишься?

Яков. Тебя не боюсь и никого не боюсь, а себя боюсь. Да и себя не боюсь! – и кто я такой, Яшка-дворник, чтоб мне себя бояться? Надоешь ты мне окончательно – видишь нож (*берет нож*) – вот возьму и распорю тебе брюхо, дух и выпущу. Что ты будешь без духа? Падаль!

Маргарита. Яша, я рассудка лишусь. Ножом гро-

зишься! И что это, и где это я? Яшка, я головой биться начну.

Яков. Маргарита, не мешай – чего он тут орет, падаль! – Ты мне, Яшке-дворнику, не указ, падаль! – и никто мне не указ. Должен я тебе – так на – бери!

Выбрасывает из кармана поддевки смятые бумажки, мелочь. Любуется собою.

Вот он я какой – видал?

Феофан. Душегуб!

Яков. А где душа? А ты мне ее показал? Где душа? Ты мне ее покажи, ты мне ее обнаружь, ты мне ее на ладоночку положи – тогда, может быть, я тебя и помилую, всех помилую. Нашего Яшу хоть в пирог, хоть в кашу, – а у нашего Яши из-за вас ноги отнялись, плясавши! Маргаритка, не мешай! Маргаритка, сиди тихо, пока я тебя не заметил! Ох, кого замечу – да и плохо ж тому будет. Вот я какой!

Маргарита. Ох, голубчики, да где же свет? Темно мне. Яшенька, милый, остановись – я сейчас головой биться начну!

Феофан. Яшка, стой, не уходи!

Яков. Я и стою – ослеп? Вот он – я.

В дверь из сенец проскальзывает Нюша и в ис-

томе любопытства нестерпимого замирает у порога. Вначале ее не замечают – только Яков мельком взглядывает на нее и отводит глаза. В избе все тот же непрерывный и зловещий топот пляшущих, дикие взвизги, отрывки песен.

Феофан. Яшка, стой, не уходи. Дай сказать, Яшка! О, Господи, смилуйся. Подаждь, Господи! Вразуми и наставь! Я слово-то знаю. Я его так знаю, я тебе его так скажу... ну?

Яков. Ну? Не ты запрягал, чего нукаешь?

Феофан. Убил?

Яков. Убил.

Нюша (*быстро*). Убил, говорит. Ну?

Маргарита. Ты опять, Яков?.. (*Заметив Нюшу.*) А ты зачем сюда? Кто тебя звал – опять прилезла. Пошла вон! Яша, прогони ее.

Яков (*равнодушно*). Пускай ее.

Маргарита. Еще мало нахвастал, еще мало наблюдавостил? Ну хвастай, хвастун, не мне отвечать! Сам отвечать будешь.

Яков. Сам и отвечу, вы не беспокойтесь, Маргарита Ивановна.

Маргарита. Ступай вон, девчонка, слышишь?

Нюша. Сейчас. Деньги-то по полу рассыпаны, это Яков Иванович рассыпал. Он, кому же больше: так и

сыпет денежки, так и сыпет.

Яков (Феофану). Что ж молчишь, долго мне ждать?
Поживей, падаль, меня девки зовут.

Феофан. Я сейчас!.. Ты подожди!..

Яков. Потерял слово-то?

Феофан. Потерял, Яша.

Яков. Потерял, Яша! Ищи, падаль. Ты зачем меня тревожил? Ищи, а я папиросочку покурю.

Садится и закуривает папиросу, сплевывает, с небрежным видом закладывает нога за ногу, рассматривает отвернутую полу поддевки.

Дрянь сукнецо-то, Маргарита, настоящего цвету не имеет, надо другое взять. Нюшка, хорош я?

Нюша. Уж и так хорош, уж и так хорош! Спрашивает: Нюшка, хорош я?

Яков. Ну то-то.

Феофан. Ох, головушку мне всю раздавило – нет во мне вздыхания. О, Господи Владыко!.. Океаны – моря все тверди земные и небесные – ох, да и тяжело же мне... Яков, ты что мне сказал: и еще убью?

Яков. И еще убью. Н-ну?

Нюша (как эхо). Ну?

Феофан. Яшка! Не смей убивать!

Нюша (тихо и быстро). Яшка, не смей убивать.

Яков. А кто мне запретит? – Ты?

Феофан. Я.

Нюша. Я.

Яков. А ты кто?

Нюша. А ты кто?

Феофан. Да ведь нельзя же убивать – чудак! Не велено! Не велено! Яшка, миленький, голубчик! Не велено!

Яков. А кто не велел? Ты?

Феофан. И я не велел. Яшка, подлец, душегуб – не смей убивать! Не смей, говорю! Смирись, Яшка!

Яков смеется. Встает, потягиваясь, бросает папироску и приглашает ее ногой.

Яков. А еще ничего не скажешь? А то мне поплясать захотелось. Нюшка!

Нюша. Что, Яков Иваныч? Нюшка – я.

Яков. Нюшка, поди скажи, чтобы веселее играли: Яков Иваныч идет.

Нюша. Сейчас. Яков Иваныч, скажи, идет. А деньги кто подберет, Яков Иваныч?

Яков. Подберут желающие, не бойся. Пошла!

Феофан. Яшка!

Нюша. Желающие, говорит, подберут, не бойся, Нюшка! *(Уходит.)*

Яков. Так я иду, Маргарита.

Маргарита. Иди.

Феофан. Яшка!

Яков. Борова этого постереги, как бы пожару не наделал с пьяных глаз. А ты не пойдешь?

Маргарита. Нет.

Яков делает шаг к двери, но останавливается и через плечо, презрительно смотрит на Феофана, страдательно выпучившего глаза на закутавшуюся Маргариту.

Яков. Как это говорится, вы не слышали: за душу мою, навеки погибшую, дай ей, Господи, отпущение греха. И кто это сказал – вот уж не помню, дай Бог память? Так, человек один. За душу, говорит, навеки погибшую, дай ей отпущение греха. – Молчите? – Ну и молчите, дьявол вас побери – тля вы разнесчастная! Тьфу.

Выходит, гневно распахнув не сразу поддавшуюся дверь.

Ты еще, проклятая!

Слышно в отворенную дверь, как он еще в сенях

запеваает: «Д-эх, погиб я, мальчишечка, да погиб я навсегда»... затем хаосом звуков врывается топот, смех, взвизги и гасит еще раз где-то высоко взметнувшуюся песню.

Маргарита встает, закрывает дверь, послушав минуту, и снова садится в угол; лица ее не видно.

Феофан. Яшка!.. Ушел, Яшка-каторжник, а кровь оставил. Кровь-то, оставил, а? Ну и водка вся, всю я выпил. Водки дай, слышь ты, а то всю избу разворочу. Зверь я теперь, а не человек! У-ух!

С силой ударяет кулаком по столу.

Мученик я!

Вторично, но уже слабее ударяет по столу. Тупо смотрит на поваленную бутылку, пытается поставить, ее, но бросает, не может.

Феофан (плачущим голосом). Эх, граде святой Ерусалиме! Ангелы небесные! Птички Божий, да возьмите вы меня на крылушки, да отнесите вы меня куда-нибудь... силушки во мне не стало. Ослаб я, как ребеночек махонький. Как ребеночек махонький, бес-

телесный... *(Плачет, потом бьет кулаком по столу.)*
Не хочу, чтоб убивали! Нет моего приказа! Слышишь,
Яшка!

*Маргарита подходит, внимательно смотрит в
лицо Феофана.*

Маргарита. Феофан, голубчик!.. Ты понимаешь,
что-нибудь – ну что ты так смотришь?

Феофан. Понимаю.

Маргарита. Слушай, я умереть хочу, ты можешь
меня благословить? Благослови.

Феофан. А зачем благословить?

Маргарита. Отца у меня нет – ну? Страшно мне
умирать, голубчик.

Феофан. А когда умереть?

Маргарита. Сегодня.

Феофан. Могу. *(Поет.)* Во пиру ль я была, во бесе-
душке, – я не мед не пила...

Занавес

Действие пятое

На сцене будуар и опочивальня княгини де-Бурбоньяк. Обе комнаты представляют, в сущности, одно целое, отделены друг от друга только аркой и тяжелым бархатным занавесом. Будуар – небольшая, но высокая с лепным потолком, довольно просто и со вкусом обставленная комната. Мягкая мебель, ковры, на столике живые цветы в корзине. В момент открытия занавеса в будуаре темно, и только на ковер ложится мягкая полоса света из спальни.

В спальне горничная Мери – в черном платье, белом чепчике и переднике, приличная девушка – готовит постель для княгини. Постель пышная, высокая, торжественная, под балдахином; на последнем вышит большой, бросающийся в глаза герб князей де-Бурбоньяк. Горит только одна лампочка над постелью. В тени туалетный стол; свет играет в факетах круглого туалетного зеркала. Разноцветными огнями, красными и зелеными, горят лампы у большого резного киота.

В будуар входит экономка княгини, Фанни Карлов-

на.

Экономка. Мери! Княгиня идут. У вас все готово?

Горничная. Все. Только питье еще не поставила. Я сейчас, Фанни Карловна.

Экономка. Ах, да как же так, княгиня будет сердиться.

Горничная. Я сейчас.

Экономка. Постойте! (*Быстро осматривает все.*) Все на месте? Так, так. А пеньюар?

Горничная. Вот он.

Экономка. Ну разве можно так класть, сколько я вас учила, Мери! (*Поправляет.*) Ну, ну, теперь некогда уже. Идите. Постойте: зажгите свет в будуаре. Так.

Гасит свет в спальне; остаются только мерцающие лампы. Затем выходит в будуар, где горничная уже дала полный свет.

Экономка. Идут! Мери, дверь...

Горничная открывает дверь: входит Василиса Петровна, опираясь на руку воспитанницы Лели, хорошенькой девушки, бывшей институтки, дочери очень благородных, но бедных родителей.

Василиса Петровна. Это вы, Фанни Карловна?

Экономка. Я, ваше сиятельство.

Василиса Петровна. Лелечка, а мой платок?

Леля. Здесь, татап.

Василиса Петровна. А флакончик? Забыла?

Леля. Ах, душечка татап, забыла. Я сейчас. Он в гостиной на столике.

Василиса Петровна. Ну уж забыла, так нечего, Мери принесет. Мери, принесите флакончик – вы знаете?

Горничная. Знаю, ваше сиятельство.

Горничная выходит.

Экономка. Мне можно идти, ваше сиятельство?

Василиса Петровна. Нет, постойте. Впрочем... идите. Нет, постойте. На завтрашний день я все распоряжения сделала? Ах да: не забудьте же послать в монастырь карету за матерью Евгенией. Скажите кучеру, чтобы к концу обедни да чтоб лошадей не гнал.

Экономка. Я уж сказала, ваше сиятельство. Кучер знает.

Василиса Петровна. Ну, идите. Спокойной ночи, Фанни Карловна. Лелечка!

Экономка. Спокойной ночи, ваше сиятельство.

Василиса Петровна. Лелечка!.. это вы, Мери? Поставьте на столик в спальне или нет, дайте лучше сю-

да. Ступайте.

Горничная уходит. Василиса Петровна садится в кресло, закрывает глаза и нюхает из флакончика.

Леля. Вы устали, маман?

Василиса Петровна. Не знаю, милочка, так что-то... *(открывая глаза и утомленно обводя ими комнату.)* Ты не находишь, милочка, что здесь больше шел бы цвет somon¹¹, нежели голубой?

Леля. Ах нет, маман, ну что вы! Хорошо как в раю, маман. А вы, маман, ангелочек, душечка, красавица! Ну что ж мы будем делать, спать еще так рано... хотите, я вам почитаю, маман?

Василиса Петровна. Нет, я сегодня так много читала, даже глаза устали.

Леля. Ах, миленькие глазки, ну зачем же вы мучились? Миленькие глазки, хорошенькие глазки, любимые глазки, зачем вы сами читаете? Не надо! Я не хочу, чтобы вам было больно.

Становится на колени, берет руки Василисы Петровны и с восхищением смотрит на нее.

Василиса Петровна. Ну, ну, Лелечка, какая ты вос-

---

¹¹ цвет somon (фр.) – розово-желтый.

торженная.

Леля. Матап, у вас решительно чудные глаза.

Василиса Петровна. Разве?

Леля. И вы еще спрашиваете, матап! Ах, если бы я была этот ваш противный князь, я бы всю жизнь стояла перед вами на коленях. Отчего он не стоит на коленях? У, какой противный!

Василиса Петровна. Ты глупая девочка, Леля. Встань. И нельзя быть такой наивной, ты уже не институтка.

Леля. Ну и встала. Вы на меня сердитесь, матап?

Василиса Петровна. Нет, душечка, я не сержусь, но нельзя так некрасиво выражаться о князе. Князь не мажет заниматься тем, чтобы стоять на коленях перед дамой, глупая девочка: у него и без нас забот много. Я уже говорила тебе, что он за границей при одном дворе и у него очень важная миссия. Я, право, не могу сказать тебе, какая миссия, мы, женщины, плохо разбираемся в государственных делах, но очень, очень важная. Что-то насчет войны.

Леля. Матап, я его боюсь. Он седой, страшный. И он так на нас смотрит – как победитель!

Василиса Петровна. И опять глупости, Леля. И во все не седой князь, а такой красавец, что ты бы, дурочка, ослепла.

Леля. А какие у него глаза, матап?

Василиса Петровна. Глаза? Карие.

Леля. Ах, какая прелесть!

Василиса Петровна. Конечно, прелесть, но не в этом дело, душечка. Нам, женщинам, достаточно красивых глаз, а мужчина, князь, совсем, совсем другое. Я иду в спальню, дай свет, Леля.

Леля. Сейчас, татап.

Бежит в спальню и зажигает свет.

Василиса Петровна (*идя*). Князь должен быть мужествен и горд, он даже не имеет права спускаться до таких мелочей, как какие-то красивые глаза... Закрой свет в будуаре, Леля. (*Садится у зеркала и продолжает говорить, смотря на себя.*) Правда, есть и другие люди, высокого очень звания, которые ведут себя совсем иначе, но я этого не понимаю. Скажу хоть о себе – ты слушаешь, Лелечка?

Леля. Ах, татап, Бога ради говорите о себе! Я так люблю, когда вы говорите о себе, это так поэтично.

Василиса Петровна (*продолжая глядеть на себя*). Ты знаешь, что я хоть и благородного дворянского рода, но княгиня я только по мужу. И что же, Лелечка – этому даже трудно поверить, это совсем как сказка! Я и никогда не унижала себя, избави Бог, но когда моей головы коснулась княжеская корона, когда я так высо-

ко поднялась над людьми, – только тут поняла я себя, Лелечка, только тут я себя оценила. Мне даже трудно представить, и я совсем не помню, какая я была раньше... какая-то странная... не помню.

Леля. А я знаю, какая: вы всегда были душечка, маман!

Снова в прежней позе становится на колени, берет руки Василисы Петровны и снизу вверх с обожанием смотрит на нее. Василиса Петровна продолжает, не сводя глаз с своего отражения в зеркале.

Василиса Петровна. Да, странная какая-то, не помню. Вероятно, тогда я очень редко смотрелась в зеркало: я и лица своего не помню... или я не так причесывалась?

Леля. Ах, маман, вы такая красавица, я вам завидую, маман. Ну говорите еще, говорите!

Василиса Петровна. Да. И как будто солнце, Лелечка, вошло над моей головой: понимаешь, такие ослепительные лучи...

Леля. Понимаю, маман, говорите!

Василиса Петровна. И как будто я вошла на высокую, высокую гору: понимаешь, Лелечка, – я вверху, а веж жизнь и все люди далеко, далеко внизу. И вдруг я все увидела и поняла: и зачем люди, и зачем слезы,

и зачем людям нужен Бог – раньше я это не совсем понимала. Бог нужен, чтобы творить чудеса и чтобы не было слез, – это так ясно!

Леля. Я плачу, маман!

Василиса Петровна. Да. Вот когда-нибудь, к концу моей жизни, я пойду в монастырь, приму схиму – я уже сделала вклад, Лелечка, и тогда мне все станет еще яснее, еще понятнее. Как ни высока гора, Лелечка, на которой я сейчас по милости Божией, – а есть еще выше: и какой вид оттуда, какие необозримые дали!..

Леля. Я плачу, плачу, маман!

Василиса Петровна. Да. И тогда со мной свершится второе чудо, Лелечка. Я еще не совсем покорилась сейчас, я еще слишком горда моим званием, мою благородную кровью, но тогда... Тогда, как пыль, стряхну я с себя всю гордость владык земных – и покорюсь, ах, как сладостно я покорюсь!! Что такое я, человек: вот иногда у меня болит сердце... не знаю, почему, но иногда у меня болит сердце, а тогда...

Леля. Маман, вы плачете?

Василиса Петровна. Я от счастья плачу.

Леля. И я тоже.

Обе плачут; Лелечка в ногах у княгини, та – продолжая смотреть на себя в зеркало.

Василиса Петровна. Ну, ну, перестань, Лелечка. Обе мы с тобой глупые. Посмотрел бы кто на нас.

Леля. Я не могу перестать, маман! Я тоже пойду в монастырь! А отчего вы всегда в трауре, маман? Траур так не корреспондирует цвету вашего лица!

Василиса Петровна (*вставая*). Ну хорошо, хорошо, милочка. В трауре? Разве я тебе не говорила, что у меня умер родственник, очень, очень почтенный человек... (*припоминает*) Да, уже скоро год. Вот на днях будет год, тогда и? сниму, а сейчас... надо Богу молиться и спать. Где мой флакончик?

В дверь стучат.

Леля. Вот, маман. Тогда и в театр поедем? Василиса Петровна (*прислушиваясь*). Да постой же, Леля, не тараторь. Что это, кажется, стучат?

Леля. Да, маман, стучат.

Василиса Петровна. Постой, не тараторь... Да, странно. Кто там? Войдите...

Но там, очевидно, не слышали: стук продолжается.

Да что они там!.. Лелечка, открой и узнай.

Леля. Сию минуту, маман.

Открывается дверь, пропуская горничную Мери. Горничная что-то быстро шепчет.

Василиса Петровна (*из спальни*). Ну что же вы там? Лелечка! Это вы, Мери? (*Входит в будуар.*)

Леля. Да, татап, там...

Василиса Петровна. Что там? Как это глупо, Леля. Дай свет, пожалуйста, я ничего не вижу. Ну что вы, Мери, что вам надо?

Горничная. Там, ваше сиятельство...

Василиса Петровна (*перебивая*). И сколько раз я вам говорила, Мери, чтобы меня не беспокоить в этот час. Если что-нибудь забыли или ваша Фанни Карловна напутала, то можете завтра, а не барабанить в дверь.

Горничная. Там двое пришли, ваше сиятельство. Просят принять их.

Василиса Петровна. Двое? Вы с ума сошли, Мери. Какие двое? Когда докладывают, то надо говорить фамилию, а не двое.

Леля. Mamочка, я боюсь сумасшедших! Это сумасшедшие?

Василиса Петровна. Оставь, Леля. Ну?

Горничная. Я им говорила, что поздно, а они просили записку передать. Вот.

Василиса Петровна. Какую еще записку? Дайте сюда. Где мой лорнет, Леля, подай, пожалуйста. Двое! Ну куда же вы, Мери, я вам еще ничего не ответила... Спасибо, душечка.

Продолжая укоризненно смотреть на горничную, разрывает конверт и читает. Но при первых же словах взволнованно откладывает лорнет и дальше читает так. Напряженно обдумывает.

Что такое? Да, да, вот что. Право, не знаю... Их двое, Меря?

Горничная. Да, ваше сиятельство.

Василиса Петровна. Вот уж и не знаю я... какие странные люди. Постойте, Мери. Это, Лелечка, наши дальние родственники, ты их не знаешь, из боковой ветви. Я их помню, очень, очень бедные люди, но скромны, и меня удивляет, как это вдруг ночью...

Леля. Днем им неловко, татап.

Василиса Петровна. Ты думаешь? *(Рассматривает письмо.)* Да, да, они так и пишут, что днем они не решаются... и... Бедные люди! Но нельзя же их принимать в гостиной: они будут смущаться, и вообще... Лелечка, друг мой, я думаю, что это будет вполне прилично, если я приму их в будуаре?

Леля. Я думаю, татап!

Василиса Петровна. Правда, мой будуар предназначен только для интимных друзей, но... Вы здесь, Мери? Да, так будет лучше всего. Послушайте, Мери, проводите их сюда... Да куда же вы? Сперва закройте свет в спальне и задерните занавес, а потом уже идите. И ты, Лелечка, иди, а то они будут стесняться, мой друг. Они такие... забытые!

Леля. Но я боюсь, матан! Все бедные такие злые.

Василиса Петровна. Пожалуйста, без глупостей, Леля. Поцелуй меня и иди, душечка, они скоро уйдут. Иди.

Целует Лелю, и та выходит вслед за горничной. Василиса Петровна одна. Тревожно, с нескрываемым страхом смотрит на дверь, затем – при входе неожиданных гостей – снова принимает выражение спокойствие и как бы некоторой надменности. А входят Зайчиков и князь де-Бурбоньяк. Оба одеты плохо. Зайчиков, видимо, болен, опух, расплзся и, войдя, без приглашений садится. Князь – как всегда.

Князь. Бонсуар, madame.

Василиса Петровна. Бонсуар, мон пренс!

Зайчиков (*отдышавшись*). Княгинюшка, матушка, простите великодушно. И что сел без разрешения, и

что ночью, так сказать, во мраке осмелился... Но жребий брошен, княгиня, и мы у ваших ног. Князь, дай мне папиросу. Пермете?

Василиса Петровна. Да, признаюсь, я несколько удивлена, и вообще вы так странно выражаетесь: какой жребий? Князь, садитесь, прошу вас. А вы, господин, господин...

Зайчиков. Бывший антрепренер Иван Алексеевич Зайчиков. Умираю, княгиня.

Василиса Петровна (*подозрительно*). Вы больны?

Зайчиков. Умираю. Так сегодня схватило, знаете, что вот осмелился ночью, во мраке, так сказать, и привел. Возьмите, княгиня!.. Князь, – молчи, мой друг, не смеешь, князь! Возьмите его, а то – пропадет!

Василиса Петровна. Я не совсем понимаю вас. Вы были за границей?

Зайчиков. За какой за границей?

Василиса Петровна (*настойчиво*). Ну да: вы были с князем за границей!

Зайчиков (*уныло*). Ну за границей так за границей. Не в том суть, дорогая, а в том, что занавес пора спускать. Умираю! Вот сейчас отдышался, а то... Да, княгиня, ваше сиятельство, так проходит слава мира сего. Был антрепренер Зайчиков, актеришка скверный, врал, лицемерил, подкопы делал, водку пикулями за-

кусывал – а теперь и нет его. Роскошь, забавы, светлость корон, счастье и слава – все только сон!¹² Эх, глупо! И это глупо. Изоврался я, как старая лошадь, и даже умереть прилично не умею. Глупо как.

Князь. Не волнуйся, дорогой.

Зайчиков. И это все глупо. Князь, достойнейший друг мой – отойди на минуту! Не мешай, я требую, наконец! Ну оглохни, ослепни, наконец – и не мешай.

Князь. Хорошо, мой дорогой.

В некотором замешательстве смотрит на княгиню, затем садится у дальнего столика с альбомом.

Василиса Петровна. Вы меня поразили, Иван Алексеевич. Правда, я совсем, кажется, забыла, и вдруг ваше неожиданное появление... – но ведь вы же собирались за границу, помню?

Зайчиков. Да, и за границу собирались.

Василиса Петровна. Так почему же вы здесь, Боже мой – как это дико! И ночью, я уже собиралась спать, как вдруг стучат, какая-то записка... (*Тихо.*) Но где же деньги, Иван Алексеевич, где же деньги?

Зайчиков (*громко*). Деньги? Раздали, пропили, по-

---

¹² *Роскошь, забавы, светлость корон, счастье и слава – все только сон!* – Измененная цитата из оды А. П. Сумарокова «На суету человека».

теряли, слона покупали – почему я знаю, куда девались эти деньги! Вначале я еще помню, что-то такое выходило, я уж начал труппу сбивать, летний театрик присмотрел, но – заскакал штандарт! Фантастика, феерия, сон в летнюю ночь, восторг и упоение, но – мертвые сраму не ймут! Что я – вот моя заботушка, вот горе мое: ведь пропадет, княгиня! Заклюют, сожрут, унизят!

Василиса Петровна. Кого унизят? Честное слово, я не понимаю, что вы говорите: кого унизят?

Зайчиков. И не боюсь я смерти. Ну какой может быть суд над антрепренером Зайчиковым? Ступай, скажут, дурак, и больше не греши: ты много возлюбила, старая блудница. Но он – невиннейший из людей, древний отпрыск. Смотрю на эту роскошь, на этот великолепнейший бонтон, на вас, княгиня, очаровательный цветок, – и где же, наконец, граница? Я вас спрашиваю, княгиня: где же, наконец, граница?

Плачет.

Василиса Петровна. Какая граница? Наконец, я просто не могу этого позволить, господин Зайчиков. И я не виновата, что вы хотите умирать, и какое, наконец, мне дело до вашей смерти? Это смешно! Я очень рада, что князь и, наконец, вы оказали мне честь сво-

им посещением, «о я не могу допустить таких странных разговоров. Князь, прошу вас, это виды Рима – не правда ли, как прекрасно? Вы не были в Риме, князь?

Зайчиков. Выгоняете, княгиня?

Василиса Петровна. Опять! Нет, вы действительно больны, дорогой Иван Алексеевич, вы просто бредите. Нет, я прошу вас, настойчиво прошу, умоляю, чтобы вы оставались: мы посидим, поболтаем... Князь, там есть еще альбом. Не хотите ли чаю, князь?

Князь. Мерси, мадам.

Василиса Петровна. Если вам нужно что-нибудь деловое, Иван Алексеевич, то можно завтра или вообще как-нибудь иначе, но здесь, мы в будуаре, где я принимаю только интимнейших друзей, и, право, я не могу позволить... Как вам нравится нынешний сезон, Иван Алексеевич?.. Мы завтра обсудим, что надо, и я все сделаю для вашего протече, но сейчас... Как вам нравится нынешний сезон, Иван Алексеевич?

Зайчиков. Нынешний сезон? Да – чепуха, княгиня. Все какие-то, знаете, потуги, модерн... Так завтра, ваше сиятельство?

Василиса Петровна. Вот именно, вы совершенно правы: модерн. Ах да, – как же я забыла! Князь, я вам и не говорила, что я взяла воспитанницу: очаровательная девушка, Иван Алексеевич!

Зайчиков. Доброе дело, ваше сиятельство. Из хо-

рошей семьи?

Василиса Петровна. Прекрасная семья, очень порядочные люди, но, знаете, бедность, отсутствие средств. Конечно, это все не могло не отразиться на характере милой девочки...

За дверью какой-то шум, впрочем, очень слабый, княгиня его не слышит.

Но я уверена, что мое влияние... Здесь, главное... Что такое, на что вы смотрите, князь?

Вслед за князем переводит глаза на дверь. Дверь открывается, и входит Яков: за ним испуганная и несколько возмущенная горничная, пытающаяся убедить его.

Яков (горничной). Ничего, ничего, барышня, я в ответе. (Закрывает за собой дверь.) Здравствуйте, ваше сиятельство.

Василиса Петровна (пораженная). Яков! Что это значит? Это ты, Яков?

Яков. Я – сразу-то не признали? Здравствуйте, ваше сиятельство.

Василиса Петровна. Но как ты попал сюда?

Яков. Извините, не рассчитал, что у вас гости. Но

как вы изволили говорить, Василиса Петровна, чтоб я заходил когда, так вот осмелился побеспокоить – извините уж. Но, конечно, могу и уйти, если прикажете.

Василиса Петровна. Нет, оставайся, раз уж пришел. Меня удивляет только, что ты так поздно, почти уже ночь... Князь, это мой протеже, Яков; из деревни. Садись, Яков.

Яков (*те садясь*). Ночь – это справедливо. Да только я прямо с железной дороги, и как не имею в городе ночлега... Может быть, разрешите перекочевать в дворницкой, Василиса Петровна?

Василиса Петровна (*несколько успокаиваясь*). Ну конечно, пожалуйста. Иван Алексеевич, вы знаете Якова?

Зайчиков. Как же, имел честь. (*Оживляясь.*) Помнишь, Яков, свадьбу, эх, и погуляли мы тогда! Умираю я, брат.

Яков (*вежливо*). Зачем же, поживите.

Зайчиков. Умираю. Вот князя-друга покидаю, видал? Эх, и погуляли мы тогда... Помнишь, Яша, ты под конец песенку какую-то спел нам, удивительная песенка, ты не помнишь, как это?

Яков (*усмехаясь*). Это, как говорится: эх, погиб я, мальчишечка, погиб я навсегда. Эта самая?

Зайчиков. Эта самая. Эх, и хорошо ты тогда пел! Разбойничьи пел! Рыдали все! И я сам рыдая. Вот,

княгиня, талант! Как же, как же, помню, тогда еще тебе генерал снял золотые часы и подарил: на, говорит, Яков – носи.

Яков (*усмехаясь*). Нет, этого не было.

Зайчиков. Не было? Ну, значит, опять напутав откуда-нибудь из другого мест?». Все это уж было когда-то, но только не помню, когда... Умираю я, Яков, князя-друга покидаю – видал?

Василиса Петровна (*волнуясь*). Извините, Иван Алексеевич, вы его задерживаете... Ты уже уходишь, Яков? Ну спасибо, что навестил. А Маргариточка с тобою, отчего она не пришла? Славная девушка. До свидания, Яков.

Яков. Маргарита Ивановна умерли.

Василиса Петровна (*вздрыгнула*). Да? Ну – царствие ей небесное. Значит, ты один?

Яков. Один. А у вас хорошо, Василиса Петровна, посмотрел я. Дом большой, порядок и двор такой чистый. Кто у вас дворником, Василиса Петровна?

Василиса Петровна. Дворником? – право, не помню. Кажется, Ахмет.

Яков. Татарин?

Василиса Петровна. Татарин. Татары очень честные люди.

Яков. Хорош дворик. (*Тихо.*) Василиса Петровна, нельзя этого барина убрать: действительно надо.

Василиса Петровна (*одним вздохом*). Что такое?

Яков. За мной полиция гонится, сейчас у вас будет (*громко*). Хорош дворик, чистый.

Василиса Петровна. Боже мой! Простите, господа, что я... Я сейчас... Ах, Яков, я тебе еще не показывала – там одно письмо... Я сейчас, поди сюда.

Хватает Якова за рукав и тащит его в спальню.

* * *

В будуаре:

Зайчиков сидит, положив голову на руки; на цыпочках подходит князь, наклоняется.

Князь. Тебе не дать воды, дорогой?

Зайчиков. Нет. Сядь.

Князь. Нам надо уходить.

Зайчиков. Сядь. Дай руку.

Оставаясь в том же положении, берет руку князя и прижимает к щеке. И есть в их позе нечто такое, что смутно и трогательно напоминает тоскующих в клетке, обнявшихся обезьян.

Некоторое время спустя: оба, Зайчиков и князь, испуганно прислушиваются к происходящему в спальне. Зайчиков привстал, князь положил ему руку на плечо: тише!

Что там? Молчат.

Князь. Не знаю. Что это?

В спальне горит только лампочка с красным абажуром на столике у кровати. Войдя, княгиня дышит тяжело, пытается говорить, но глотает слова. Продолжает держать Якова за руку.

Яков. Куда это вы меня? А! – Сейчас будут. Я к вам уж через забор перемахнул, за пятки хватали. Ну?

Василиса Петровна. Что?

Яков. Ну, говорю. Гонятся! Через забор я.

Василиса Петровна. Кто гонится? Кто через забор? Яша, ты что говоришь: гонятся – через забор – кто?

Яков. Ошалела бабочка! Ну, ну, не дрожи: может, сейчас, а может, и срок дадут – народ не быстрый. Эх! Ну, ну, не дрожи: деньги надо прибрать, деньги прибере. Да этих прогнать следует: расселись не вовремя, не до них. Ну?

Василиса Петровна. Каких этих? Какая бабочка?

Пусти мою руку!

Яков. Да, это вы меня держите. Слушай, Маргаритка-то удавилась, а Феофан заблаговестил, теперь сам сидит: подлец! Ну, ну, поживей, говорю, чего киснешь. Суда бояться нечего, а деньги сохрани. Охрип я что-то, от водки, должно быть. Постель-то какая, и не видал таких. Ваша?

Василиса Петровна. Я не убивала.

Яков. Я и говорю – я убил. Теперь нечего размазывать, и без нас размажут. – Так-то накрадут, что и себя не узнаешь – мазилы ничтожные! Ну?

Василиса Петровна. Кто идут? *(Падает на колени и жадно целует Яшину руку, быстро шепчет.)* Яшенька, голубчик, милый, спрячь меня, спрячь меня...

Яков. Эх, руки-то не надо, нечистые они. Оставь.

Василиса Петровна. Нет, надо, надо, надо. Руки, ноги тебе поцелую – рабой твоей буду – ох, спрячь меня, спрячь меня...

Яков *(слегка гладит ее по голове, наклоняясь).* Да, милая ж ты моя, да не малодушествуй так! Ну и пострадаешь – так что из этого, пострадай, поплачь, утешься. Мне трудно, страдать я не умею, а тебе что! Ну? И Бога не бойся, перед Богом я за тебя заступник – а люди что! Ну? Что ж ты молчишь?

Слегка отстраняется от Василисы Петровны, и та бесшумно и вяло, как труп, валится на ковер.

Василиса Петровна!

Молчание.

Послушайте меня: Василиса Петровна!.. Так. Что ж мне с ней делать?

***Молчание.** Яков быстро оглядывает комнату, мебель, зеркало. Глядит на лежащую у его ног Василису Петровну и снова с некоторым любопытством озирается. Как будто слегка засвистал или сделал такое лицо. Делает шаг к занавесу.*

Яков (негромко). Эй! Князь! Барин! – подите-ка сюда.

Зайчиков. Слышишь?

Оба входят в спальню, сразу ничего не понимают.

Где княгиня? Что такое?

Яков. Вот она – лежит.

Зайчиков. Умерла? Скончалась?

Яков. Да нет. Так. Сами посмотрите.

Василиса Петровна тихо стонет и приподымается на руках, садится на полу и молча с удивлением оглядывается.

Жива.

Зайчиков. Вам дурно, княгиня? Позвольте, я... Князь, помоги. Дай же руку. Княгинюшка, что с вами? Яков, ты не знаешь, что с ней?

Князь хочет подать руку, но Василиса Петровна вдруг отталкивает ее, встает быстро, кричит.

Василиса Петровна. Яков! Зачем он пришел? Не надо?! Яков! Это вы, князь, дайте мне руку. Нет, не надо, не надо руку! Ах, Боже мой, что я такое хотела? *(Как слепая суется по комнате, на мгновение задерживается у киота.)* Боже мой, что я такое хотела. Я не убивала, я не убивала. Что я такое?..

Зайчиков *(взволнованно)*. Надо же позвать людей! Князь!

Василиса Петровна *(кричит)*. Не надо! *(Громко.)* Зажечь, надо зажечь – ах; как же вы не понимаете: это... чтобы был свет. Это! Это!

Князь зажигает верхнюю лампочку, светло.

Яков. Василиса Петровна, мне надо идти. Я пойду. Василиса Петровна (*кричит*). Нет! (*Обычно.*) Я не убивала.

Яков. Кто говорит.

Василиса Петровна. Я не убивала. Князь! Иван Алексеевич! Как я рада, что вы здесь. Я не убивала, он лжет. Он пришел, вы видели, и он говорит, что я убила...

Зайчиков. Ах ты!..

Василиса Петровна. Иван Алексеевич, послушайте, Иван Алексеевич! – он схватил меня за руку, вот здесь, и говорит, что я убила. Кого? (*Кричит.*) Я никого не убивала! Это он убил. Я никого не держала. Он – он хочет с меня денег!

Зайчиков. А! Ты это что же, разбойник? Ты это что?

Яков. А ты что? Уходили бы вы подобру-поздорову, да и князя-друга прихватили бы (*оскаливаясь, в позе*). Тут, барин, не свадьба.

Зайчиков. А! Князь – звони! Надо людей! Звони!

Василиса Петровна. Да! Он хочет с меня денег! Он пришел и схватил меня за руку, вот здесь...

Яков. Она так-не звони, слышишь? Эх, раззвонились!

Василиса Петровна. Князь! Вы помните, Иван Алексеевич, вы помните? Вот это моя спальня. Вот

это мои иконы, князь! Я никогда не позволяла себе неприличия – зачем же он говорит? Зачем он пришел?

*На продолжительный звонок князя вбегают Лелечка, за ней экономка и горничная. Восклицают бес-
связно.*

Василиса Петровна. Лелечка!

Леля. Матап!

Василиса Петровна. Лелечка (*обнимает ее и пла-
чет*). Он хотел с меня денег. Это он убил!

Лелечка. Кого, матап? Я боюсь.

Зайчиков (*горничной*). Дворника, дворника! Ах ты!
Нет, вы скажите: ворваться ночью... Каторжник!

Василиса Петровна. Да, ночью. Пошел вон! Ты
убил! Убийца!

Леля. Надо полицию.

Яков (*оскаливаясь*). Будет полиция, барышня, не
хлопочите. А вы, Василиса Петровна – вас не спра-
шивают, вы бы ротик не открывали: уж очень вы его
на Яшку разинули!

Зайчиков. Молчать, наглец! Князь!

Яков. А вы, барин, подальше: около меня горячо,
пальчики можете обжечь, ваше сиятельство. Вас не
трогают.

Василиса Петровна. Нет, что он говорит. Он сума-

сшедший! Кто идет – я спрашиваю, кто может идти, а он говорит: идут. Кто смеет идти, кто смеет переступить этот порог: я здесь – княгиня. (*Якову.*) Безумный, что ты говоришь! Зачем ты меня пугаешь, раб – мы, князя, даем ответ только Богу! Да как ты осмелился не только войти, холоп! – а только взглянуть на меня! Холоп! Холоп!

Яков. Так. Ну, вы тут Петрушку представляйте, а мне пора. (*Подмигивает Зайчикову.*) Верно, барин? Позвольте-ка пройти.

Входят горничная и дворник; экономка и Зайчиков радостно восклицают: дворник!

Зайчиков. Дворник, бери его! Вяжи!

Яков. Дорогу. Эй, Ахметка, поросячье ухо – ты это видал?

Вынимает револьвер; все, кроме князя и Василисы Петровны, шарахаются в сторону; горничная с криком выбегает. Яков прячет револьвер и беспрепятственно доходит до двери. Останавливается.

Так-то лучше! А в случае чего, как это говорится, вас тут свидетелей много: я убил Кулабухова старичка. Яшка-дворник меня зовут. Один убил – ну? Эх,

чтоб вас, – и проститься-то не с кем. Эй, Ахметка, поросячье ухо: прощай, брат! Да двор почище мети – эй, Ахметка!..

Выходит.

Зайчиков. Дворник, держи! Каторжник! Василиса Петровна. Ушел? *(Громко.)* Яша, вернись!

Горничная *(вбегая)*. Барыня... барыня... Там...

Задохнувшись, валится на стул. В дальних комнатах многочисленные глухие выстрелы. Один выстрел громче других. Все молча и с ужасом смотрят в открытую черную дверь.

Василиса Петровна *(ползая на коленях и целуя руки то князя, то дворника Ахмета, вскрикивая при выстрелах)*. Ай, спрячьте меня. Идут! Ну, миленькие, ну куда-нибудь, ну, миленькие... ай! Я убила, я убила. Спрячьте меня, я виновата, я не буду, я убила... ай! Идут! Ай!

Занавес